

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ

Улыбнись

мне, прохожий...

СТИХИ

Кутулик, 2016

Администрация МО «Аларский район»
Комитет по культуре
Районный Совет ветеранов
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная библиотека им.А.Вампилова»

Серия «Самородки Алары»

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ

**УЛЫБНИСЬ
МНЕ, ПРОХОЖИЙ...**

СТИХИ

Кутулик, 2016

Составитель: М.А.Атанова
Комп.верстка, дизайн: М.Н.Дамбуева
Комп.набор: Ю.П.Тюмина
Отв. за выпуск: В.Т.Петрова

Ульянов, А.С. Улыбнись мне, прохожий...: стихи / Александр Ульянов . –
Кутулик : МБУК МЦБ им .А.В.Вампилова, 2016 . – 56 с.: фото. – (Самородки
Алари).

© МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека им.А.В.Вампилова»

16+

От составителя

Дорогой читатель!

Вышел в свет четвертый сборник стихов «Улыбнись мне, прохожий...» А.С. Ульянова, известного в районе поэта, художника, журналиста. В сборник вошли стихи, написанные за последние три года и его новая работа в жанре устного народного творчества – легенда о происхождении его родной деревни Мардай. Все творчество А.С.Ульянова – это философское осмысление окружающего мира.

Стихи его всегда несут в себе новые краски даже в самой известной или обычной теме. Это связано с его взглядом на вещи и явления, с его ощущением жизни, с его миропониманием и его мировоззрением... Есть стихи, обращенные к Богу, это очень не простые строки, они наполнены глубоким смыслом, о спасении души и родной земли. Ведь родина для автора, ее богатства – это самое святое. И сегодня, несмотря на преклонный возраст, полон творческих идей, задумок. Сочиняет стихи, рисует картины.

Пожелаем автору больших творческих успехов, и чтобы увидел свет ещё не один сборник его замечательных произведений.

ДА БУДЕТ СВЕТ...!

Улыбнись мне, прохожий, спрячь грустинку, с которой идешь.
Две улыбки с тобой, мы, подумав немножечко, сложим
И на радость ЗЕМЛЕ, те улыбки любезно помножим
И с веселой душой, мы в пространство Святое войдем.

Чтобы там среди людей, заниматься благими делами:
Изводить подлецов и оказывать помощь добру,
Если болен и слаб, то хотя бы, хотя бы словами
Поддержать ослабевшего в битве со злом на миру.

Там с молитвой живут и не ведают грубого слова,
Там ЛЮБОВЬ и ДОБРО согревают прохладный озноб,
Там печаль и беда оседают туманами, чтоб
На подсохшее сено, не обрушиться дождиком снова.

В том пространстве давно позабыты с обидой печали,
Там старается всякий с любовью добро созидать,
И рубаху с плеча, горемычному в бурю отдать,
Хоть спастись самому от простуды удастся едва ли.

Там с охотой тебе, все выдавшие люди, расскажут
по какой из дорог ты к ПОДОБИЮ должен идти,
Исцеляя больных, утешая голодных в пути
И кого, и когда за какую греховность накажут.

Истину оспорить невозможно,
жизнь тому свидетель прежних дней.
«Я спросить хочу Вас, если можно,
сколько раз Вы расставались с ней?»

Грань, как бритва - острая и злая
шла за мной, как данность или рок,
в сердце мирном углями пылая,
сокращая до предела срок.

Видно кто-то с дерзостной молитвой
обращался к ГОСПОДУ: «Спаси!»
Стоил ли я этой челобитной?!-
раб пороков горестной Руси.

На вопрос ответить очень сложно-
списка крайних случаев не вёл,
жил, как мог, без «только осторожно»
и интриг, как водится, не плёл.

Расставанье в смертное мгновенье
описать, как повесть, не берусь.
этот миг я вижу, как затмение
в Божий глас: «зажмурься и не трусь!»

Но живу, как видите при этом,
старым сердцем, истину любя,
деревенским признанным поэтом,
головными болями скорбя.

За околицей долго бродила
одинокая наша гармонь,
но светился, как прежде
в окошке ночами огонь

Но случилась беда, как бывает...
/нет бы ей пробежать стороной/,
но гармошка, как прежде, играет
над планетой душевно больной.

Все ж поет разудалые песни
вся РОССИЯ, собравшийся в круг
под гармошку, как раньше, хоть тресни!
избавляя от всяких недугов.

Кто сказал, что российские люди
перестали и плакать, и петь?
Нет! Унынья в РОССИИ не будет
и не надо Россию жалеть!

Мы живые, хоть малость устали
и лишились гнедых кобылиц.
Мы ведь помним, как раньше плясали
под улыбку любимых девиц.

Мы плясали и пели с гармошкой
о военной поре боевой,
а теперь зарастают дорожки
нашей юности дикой травой.

Нас все меньше, мы все постарели,
наша память озябла в пути,
и не все было так, как хотели.
не суди нас, судьба, и прости!

А гармошка играет бедово,
переливами радуя нас,
даже телочка с мамой- коровой
на лужайке пускаются в пляс.

Запоздалые мысли, как мухи

Запоздалые мысли, как мухи
не дают мне покоя и сна:
то припомнятся старые слухи,
или ранняя слишком весна
Ранних весен стремительный повод
разрушает привычный уклад,
словно рвёт электрический провод,
иль июльский убийственный град.

Я к коню привыкал с малолетства
и они привыкали ко мне:
конный двор и счастливое детство
в победившей Советской стране.
Нас, к тому же, учили в колхозе,
и серпом, и литовкой владеть,
как девчат в тяжелейшем обозе
к элеватору с хлебом радеть.
Государственной доли пшеница
в домотканых пудовых мешках
и сегодня колхозницам снится,
в их натруженных женских руках.

*Жаль, что климат у нас непрестанно меняется к худу -
вместо снежных сугробов – неподвластные людям
ветра,
и живому уму вопреки, нескончаемо шествие к блуду:
от родителей пьяных, прячет душу свою детвора.*

На два градуса стало теплей
только солнце поднялось над лесом
и над снегом покрытых полей,
и над ветхим крестьянским навесом,
где воробушки прячутся в ночь,
где корова с теленком ночует,
где Музгарке прижиться не прочь,
коли северный ветер подует.
Там порядок наводит петух
под навесом в отдельной избушке,
он жалеет несущек – старух,
ждут весну и тепла их подружки.
Выручает несущек солома
в наши ветры и в наши морозы,
но несутся пеструшки, как дома,
выжимая в кормилице слезы.
Завтра кончится грозный январь,
но февраль будет мил нам едва ли,
хоть мукою наполнен наш ларь
/зря в осеннюю хмурию горевали/..

Все проходит и сгинет зима,
прибежит к нам тепло с ручейками
будут пляски и смех без ума
на сухих пяточках вечерами.

*По древнему славянскому месяцеслову
день 17 марта, считается днём
ГЕРАСИМА ГРАЧЕВНИКА*

Журчат ручьи, съедая талый снег,
и оживает деревенька наша,
и ветры СЕВЕРА уняли шалый бег...
бежит с ведром к колодцу баба Глаша.

Пригнал грачей Герасим в этот день,
и грешников в АДУ не будут мучить,
а сорок птиц усядутся на пенёк
и улетит КИКИМОРА за тучи.

Коль в марте курицы попьют из ручейка,
то на ЕГОРИЯ овечкам будет травка.
/на православных снова поднята рука
близ ТУРЦИИ для них стоит удавка/
какое ВАМ мерило от того?
Скажите-ка нам, Господа, на милость!

Выходят ныне реки с берегов
и это нам давно уже не снилось ...

Хоть по приметам ранняя весна
и бокогрей нам три часа прибавит,
**ЖИВЕТ НАДЕЖДОЙ
ПРАВЕДНОЙ СТРАНА
и ПАТРИАРХ
СВЯТОЕ ДЕЛО ПРАВИТ.**

Быть моложе бы мне, чуть моложе,
в монастырь бы без страха ушёл...
С каждым днем эти мысли дороже,
будто принял я в холку укол.

Может, вырастут наши цыплята,
жар спадет, повернув к холодам
и молитва, пропетая свято,
повернет нас к заветным следам.

Знаю, годы назад не вернуться,
и тропа в монастырь зарастет
и коленки, наверно, согнутся
через месяц, а может и год.

Скоро год я дежурю по дому,
Лида ловит бессмертья удел-
хорошо, если сгинул в солому,
мы найдем его в ворохе дел.

Не иголка ведь – наше здоровье
Есть приборы и вера, и срок,
Молочко бы к приборам коровье
в данный Богом родной хуторок!

Хлеб привозит в Мардай «хлебовозка»:
летом- благо, зимой – маята,
снегопадами метит Морозко
все пути от ворот до куста.

А февраль намечает сугробы,
без лопаты, по-русски: хана!
Трактор выйдет на бедствие, чтобы
показать, чем силен сатана.

Старики, как везде, умирают,
чтобы место отдать молодым,
неразумные в пьяни сгорают,
улетая из жизни, как дым.

И никто не поймет, что кручина
наши души скрутила на грех,
что пищит, дорогая, лучина,
согревавшая радостью всех.

Опять один я, в мире НОВЫЙ ГОД,
хоть СТАРЫЙ он, как принято от веку,
без бороды, но чествует народ
и обращается к НЕМУ, как к человеку.
и вспоминает прошлые грехи,
и жаждет жизни новой БЕЗГРЕХОВНОЙ,
чтоб воскресали в голове стихи:
о Родине, о радости ДУХОВНОЙ,
где нет печали, горя и сирот,
где мир труда и творчества в законе,
где на чаёк сосед соседа ждет
в улыбочивом молитвенном поклоне.

Прощай, старик!
обиды в сердце нет, что было,
мы забудем, как бывало
и лист перевернем, сказав:
да будет СВЕТ!
Чтобы на ЗЕМЛЕ светлей и тише стало.

Теперь бы вспомнить „люди, про коня,
отвергнутого дерзко без печали,
в тоске поникли травы, зелены,
и мы богаче без коня не стали.

Знал РЮРИК давний путь варяга,
не раз наезженный конем
и древней листвени коряга
над речкой, помнила о нем.

Но путь сей знали и хазары
по диким воям в грозный час ...
/унять те дерзкие удары
пытались КРИВИЧИ не раз/.

Племен разрозненных до кучи:
славяне к Рюрику толпой
ввалились с миром прямо с кручи-
«Возьми нас, КНЯЖИЧ, в лагерь свой!»

И Княжич дланью дерзновенной
собрал просителей в отряд,
и видел половец плененный
к себе славян суровый взгляд.

Чтоб дух славянский не истаял
на гребне чуждой нам волны,
коня гнедого Рюрик правил
на РУСЬ закатной стороны...
Их злое лихо не пугало,
дремучий лес им домом был,
да конь, да отчее орало,
да БОЖИЙ ДУХ, что с ними жил.

Творец, обласканный молитвой,
по следу Рюрика шагал
и был суров, как перед битвой –
он ПЛАН РОЖДЕНЬЯ излагал.

Рожденья будущей ДЕРЖАВЫ
в семье разрозненных племен,
как путь единственный и правый
в ряду крещенных ИМ имен.

Тот план ГОСПОДНИЙ был по нраву
варягу смелому и люб...
В веках создавший ЧЕСТЬ и СЛАВУ
к истоку крепкому, как дуб.

Минули грозные эпохи,
шли следом Рюрика с сохой
ТВОРЦЫ ЛЮБВИ К ЗЕМЛЕ, как БОГИ
СЛАВЯНСКОЙ ДЕРЗОСТИ ЛИХОЙ.

И Русь ЖИВА по слову РОДА,
от первых лет до наших дней,
КАК ДУХ СЛАВЯНСКОГО НАРОДА
И МЫ ПОЁМ СТИХИ О НЕЙ

А жить – то как хочется, БОЖЕ!...
смеяться и плакать навзрыд
о том, что милей и дороже
мгновений, где счастье и стыд.

Пойдешь ли кресту поклониться
иль в Церковь молитвенник взять,
Творцу не забудь помолиться,
да вспомнить родимую мать,
ту, что тебя породила
и вывела в люди тебя
да в ясли за ручку водила
сопливое чадо, любя.

Когда настанет ВАМ за девяносто
и седина украсит ВАШ портрет,
Вы к солнцу утром побежите просто,
как будто устали в ВАС не было и нет.

Вздохнет сосед, догадку утверждая-
ведь дни ее к СТОЛЕТИЮ грядут!
Но в чем секрет?.. Кто вышел из Мардая –
по БОЖЬЕЙ ВОЛЕ дольше всех живут.

К девяностолетнему ЮБИЛЕЮ Новосельченко Клавдии Владимировны с искренним пожеланием крепкого здоровья, ещё раз здоровья и неослабевающего жизнелюбия в кругу веселой семьи!

*С огромным уважением: Саня Ульянов
и Лидя Савина*

Здравствуйте,
многоуважаемые Вепсянки поселения Маниловского !

Мы рады случаю ПОЗДРАВИТЬ всех ВАС с наступающей весной и ярким Международным праздником 8 Марта! Мы верим, что Всевышний не оставит Вас СВОЕЙ МИЛОСТЬЮ и как добрый ОТЕЦ станет молиться о Вашем КРЕПКОМ здоровье на радость детям, внукам и правнукам!!! И мы с Лидией Ивановной присоединяемся к этому пожеланию. И к этой молитве.

Дороги нет сегодня до Мардая:
печальный факт, но жить придется тут.
где женский клич: «Ведь хутором горда я!
и дети МАЛОЙ РОДИНОЙ зовут».

Когда-нибудь построят и дорогу
во славу тех, кто память не предал
и до сих пор страдает понемногу...
Как много он в сей жизни повидал.

И всё ж гордится всяк своей пропиской,
как СИБИРЯК и телом и душой
в тени березы белой и ветвистой
на РОДИНЕ суровой и большой.

Надежда Ивановна, милые маниловские вепсянки, живите в радости и без печали, ведь жизнь наша так коротка! Мы помним Вас и желаем Вам ясных солнечных дней!

*Дружеский шарж на соседа, жителя Мардая
Аншукова Александра Васильевича*

Беда и выручка ты наша –
механик волею судеб,
крестьянский сын, золотая
чаша и, Слава Богу, русский хлеб.

Чего еще нам не хватает?
Чем душу греть в своём кругу?
Пришла весна. Дорога тает
на нашем вепском берегу.

Живи и радуйся на воле -
покуда Свят и жив, здоров!
А что деревня – наша доля,
так, с нами Саня Аншуков.

Арифметика

В деревне Бабагае семилетка,
от нас до школы километров семь
по тем путям, где мы ходили редко:
там лес, гора и змеи, между тем.
Учил нас там учитель Корогодин
артиллерист, к тому же фронтовик,
я к арифметике, как он сказал, не годен
и от такого вывода я сник.
Неладен будь задачник /Киселева/
и пятый класс, где я ни в зуб ногой,
хоть на плечах красивая обнова,
портфель для книг, не очень дорогой.
Хожу в печали тягостной неделю,
потом ещё, почти что до зимы,
несу свой крест и время еле-еле,
чтоб избежать домашней кутерьмы.
мои задачи не хотят решаться,
учитель зол и гневен, Боже мой!
Устал и я родителей бояться...
плетусь в Мардай с безрадостной душой.
прошло полгода – не могу я боле
терпеть обиды, говорю отцу:
«Я отстающий самый в этой школе,
тебе ведь тоже это не к лицу»,
Тут мать моя струхнула не на шутку:
«В больницу сына надобно вести!»
Смолчал отец и рек через минутку:
«Не надо, Марья, Господи, прости!

Устал ты, видно, говорит мне строго,
Поди в колхоз, сынок мой, отдохни,
поможешь трудоднями нам немного,
а лень с души безжалостно гони.
И боль твоя, я знаю, головная
пройдет на поле лучше всех больниц
и там найдется спутница «Даная»
в благих закатах дивных багряниц.
Так по решенью батюшки родного
иду я смело в трудовой отряд
и этот шаг, как сказанное слово
закрыл мой путь к задачнику назад.
Милей теперь мне поле, луг и кони,
мешки с зерном и доски с бороной
и звуки тульской расписной гармонии,
что обходил я раньше стороной.
Теперь до ужина я часто засыпаю:
жалеет мать и горестно отцу,
как я в свободе мнимой утопаю,
но сёстрам путь мой видится к лицу.

и так три года трудовой науки
в поту солёном, шуме и пыли,
но крепну я и, с Богом, мои руки
мужскую силу, к счастью, обрели.
И план отца сбывается на деле:
открылась школа, к партам нас маня,
я рад бежать на Усовский с постели
дорогой, окрыляющей меня.
Истосковавшись по родимой школе,
осилил я с разбегу выпускной,
благодаря СВЯТОЙ крестьянской роли
дарёной мне родителем весной.

Погляжу на небо я – бисер звездопад.
по дороге муромской едет мил назад.

Зря сложили песенку про измены мне,
он четыре годика бился на войне.

Шёл домой миленочек тропкою прямой,
где к могилкам крестики ставлены зимой.

Покосились, выцвели – помянуть бы, чтоль
и в поминках выплакать головную боль.

Да исполнить к памяти данный нам наказ,
что бы жить без паники в горемычный час.

Чтоб без ям дороженька к Господу вела,
не остаться в старости людям без угла.

Долго жить приказано умершим и нам,
строить жизнь кипучую без скандальных драм,

чтоб судьбу кручинушку делал в жизни сам,
чтоб ходил без усталы пахарь по полям,

потому что ХЛЕБУШКО – ГОЛОВА ВСЕМУ:
быть бы незапятнанной ЧЕСТИ и УМУ.

Путешествуйте, люди, на конях.
Путешествуйте, люди, пешком.
Нет коня – в пассажирском вагоне
с чемоданчиком, с рюкзачком.

Конь тебя не покинет в дороге,
если кормлен тобой от души,
да проверены резвые ноги
кузнецом за твои барыши.

Пешеходы исчезли с дороги,
как телега и конь под дугой,
толь мозолями съедены ноги,
то ли барин изнежен слугой.

Лучше отдых на РОДИНЕ милой,
хоть не очень комфортно и все ж-
целы Ваши и кости и жилы
и трудом заработанный грош.

Живет войною Украина
уж столько зим и столько лет,
в основе – топкая трясина
кадит росой и мира нет.

Земля от грохота и пыли,
как лист осиновый дрожит
и память в ней от прошлой были
на сердце горестном лежит.

Гремит война, не уставая,
и нет покоя никому:
с войной в постель и с ней вставая
в огне, в тревоге и дыму.

Когда одумаемся, люди,
уймем свой дикий аппетит?
НАС МАТЬ ВСЕЛЕННАЯ ОСУДИТ
и гибель жизни не простит.

В пространстве солнечного света
я вижу редкостный пунктир
и в нем для жителей планеты:
«ПРЕОБРАЖЕНИЕ И МИР!»

Вот это всё, что просит, БОЖЕ!
Терпенью, знать, пришел предел –
поймешь ли ты, ЗЕМЛЯНИН, всё же
МОЛИТВЫ БОЛЬ и свой удел?

Я не стану критически мыслить
о фургонах для пары коней ...
нету их и фугоны «повисли»
в прошлой жизни, я помню о ней.

Был колхоз и иная система.
Я в Мардае родился и рос.
гнали дёготь, ведь не было крема,
только это не главный вопрос.

Хлеб и сено растили крестьяне.
ПОЛЕ, ЛУГ : производственный цех,
а за лугом и в поле – СЛАВЯНЕ,
помнить это сегодня не грех.

В коллективном труде вырастали
мастера хлебобобной татьбы
крепче дерева, камня и стали
люди славной российской судьбы.

И за пазуху, спрятав обиду
шли колхозники веять зерно,
вечерком, разодетые с виду
в сельский клуб, там немое кино.

Был подсолнух культурой товарной,
От сушилки сухим на базар
и копейке доходной ударной
рады были и малый и стар.

Для налогов старались, не спорю,
чтоб коров не свели со двора,
БОГОРОДИЦА нашему горю
помогала в молитве с утра.

Вся эпоха до самой ПОБЕДЫ
на коне и на бабах жила,
не сломили их голод и беды
этих славных героев села.

Так и выжили вместе с колхозом.
ЦЕРКВИ НЕ БЫЛО – ВЕРА БЫЛА!
Молотилка, мешок с паровозом
от земли свою силу брала.

Нам бы ныне ту волю и силу,
тот размах и гражданский подъем,
да крестьянскую прежнюю жилу,
всё, чем жили мы трезвым умом!!!

Живи и радуйся, Россия!

РОССИЯ – свет подлунной тверди
РОССИЯ – зов и путь к добру и к вечной жизни мимо смерти.
в брусничный дар в сухом бору.

Тебе подвластен ДУХ ИДЕИ
и знаки творческих начал,
в твоих глубинах боль надежды
СВЯЩЕННЫМ ЛИКОМ ЗАСИЯЛ.

Гордись КИРИЛЛИЦЕЙ, страница
бессмертной книги НАШИХ ДЕЛ,
где наши радостные лица
являют волю и удел.

Живи и радуйся, РОССИЯ –
НАДЕЖДА НАША НА ВЕКА,
народов праведных мессия,
и наша ПРАВАЯ РУКА!

Я силу ВЕРЫ ПРАВОСЛАВНОЙ
в себе прочувствовал сполна,
как СИЛУ действенной и явной,
что в детстве матерью дана.

Та, вся заросшая тропинка,
что в древле топтана была
по тверди камня и суглинка
меня к молитве привела.
И я по ней пошел к работе
и всякий день, как только мог,
молился в искренней заботе,
чтобы меня услышал БОГ.
Ведь мысли ОН читать умеет,
как утверждали старики:
мне это диво душу греет,
как дружбы зов, тепло руки.
Меня поклоны не смущали,
мороз меня не угнетал,
лишь слезы изредка душили,
когда к ТВОРЦУ душой летал.
И я с тех пор в земле родимой
свой мир, вручённый мне, творю
во благо СВЯТОСТИ незримой
с зарёй вечернею горю,
горю, покуда, не сгорая,
как обрусевший вепс - варяг,
как БОЖИЙ РАБ вдали от рая
в кругу мечтателей бродяг.

А сила та дала мне внуков,
когда приют надежд иссяк,
и стала мне с тех пор порукой,
как в жутком сумраке маяк.

Приезжайте в деревню, ребята!

Кто на город деревню меняет,
тот с копейку ума не нажил:
«Он, как коврик китайский, линяет» -
говорит мой сосед старожил.

Что деревня любима весною,
только глупому в карты гадать!
Тут не только простор с тишиною:
БОГОМ ДАННАЯ здесь БЛАГОДАТЬ.

Тут в ненастные дни грязновато
и метель заметает зимой,
но какие тут чудо - маслята
мы находим средь сосен с кумой!

Разве город с деревней сравнится –
летом скошенных трав аромат:
«Очень часто мне, веришь ли, снится!» -
пишет мне с удивлением сват.

Приезжайте в деревню, ребята,
походить по траве босиком,
как сбегали вы в детстве когда-то
от родителей строгих тайком.

Земля и плуг, а в борозде Савраска.
У плуга пахарь – знать, орать пора
на нем рубаха, крест и опояска
с мудрёной строчкой, вышитой вчера.
Вспахать, заборонить, засеять поле,
как в прошлой эре, помолясь с утра.
ЧТО ХЛЕБ, КАК БОГ - мы знали это в школе,
все остальное – зависть и игра.

Ушла соха в былинку с суковаткой
и тот посев, что славил отцом,
и отдых к ночи на меже украдкой,
чтоб зреть луну счастливейшим лицом.

Я помню взгляд на сына с укоризной,
что мы иными тропками идем,
что мы горды порушенной Отчизной
и на квартиру поменяли дом.

Быть может, прав по - своему родитель,
что след во поле явно не копыт,
что я на половину сельский житель
и хлебом, ныне, выстрадаанным сыт.

Прости, отец, и не кори за веру,
пред БОГОМ я, твой сын, не виноват,
что бес испортил нашу атмосферу
и прежний домостроевский уклад.

Кадетский марш строевой

Мы строим оборону круговую
Чтоб защитить Россию от ракет.
И учим мы науку боевую:
Герой ДЕРЖАВЫ – это наш кадет.

Припев:

Кадеты, кадеты, кадеты
Мы держим воинственный строй.
Кадеты, кадеты, кадеты
Кадет – это значит ГЕРОЙ

Страну родную с полем и дорогой
Нам беречь завещано судьбой
И потому кадетов учат строго:
Оружием, наукой и борьбой.

Припев:

Кадеты, кадеты, кадеты
Мы держим воинственный строй.
Кадеты, кадеты, кадеты
Кадет – это значит ГЕРОЙ

Отвага с честью стали нам порукой
в родной стране, немеркнущих побед.
Державный Князь Донской и маршал Жуков –
Это наш сегодняшний кадет!!!

Припев:

Давно ли мы встречали этот год,
Который ныне прошлым оказался,
А поезд наш опять летит вперед
И кто-то вновь на станции остался.

Он не успел к отходу прибежать,
Хоть суетился, бегал и ругался
И проклинал он чью-то перемать,
А в душу заглянуть не догадался.

А наш вагон одиннадцатый год
Летит с любовью Божьему по свету
С болячками и ворохом забот
Теперь уже от снегопадов к лету.

Одно тревожит сельских стариков,
Что далеко от ХРАМА деревенька,
И нечем души вынуть из грехов
Молением церковным, хоть маленько.

Тот груз грехов мешает им в пути
И годы жмут давлением сердечным,
Но срок придет и с поезда сойти
Поможет им СУДЬБЫ ЛИХОЙ словечко.

Но это там в сиреновой дали,
а ЛИДУ вновь к анализам призвали
И говорят: «Мозгами шевели!»
Чтоб в панику мы с нею не упали.

Молю усердно вечером и днем
Святую Богородицу и БОГА:
«Спасите нас в селении моём –
у нас ведь с ней единая дорога!»

Жертвенность дворянская была ли?
Была и это помнят старики...
За честь ее дрались и воевали,
Рубахи рвали в клочья и куски.
Теперь бы им! Уж больно оскудели
И мысли, и желания славян,
Ряды ИВАНОВ тоже поредели
И где теперь чарующий БАЯН?
Не стало и кудесников в помине.
Есть предсказатели скупого образца
Без древнего и умного лица,
Пред коим речь и воля даже стынет.

Глубокий сон Россию одолевший
Убрался за саянские хребты,
И лес сибирский, сильно поредевший,
Возводит к новой сущности мосты.

«Проект Россия» - стержень путеводный.
Вникая в суть и выводов и слов,
Мой современник, думай! Ты свободный
От прежних пут и бедственных замков.

В твой правый дух не злобствует цензура
И гений твой ту истину найдет,
И если эта истина не дура,
Не пьедестал твой ОБРАЗ вознесет.

Твори, МЫСЛИТЕЛЬ, твой черед и доля.
Сумей сквозь пыль дорогу разглядеть,
Где Вий шумит и злобствует на поле,
А нам к ПИЛАТУ надобно поспеть.

Я сижу одиноко в деревеньке моей,
Сыпят снега порошей, дуют ветры над ней.
Дни со свистом летят, сокращая мой век,
Шепчет в ухо душа: «Не скорби, человек!
Все проходит, я знаю, это тоже пройдет...
Вот поправится друг твой и с улыбкой войдет,
Скажет: «Здравствуй, Сергеич! Улыбнись, я жива,
Боль утихла в спине, не шумит голова.»

Были добрые письма по датам:
Поздравлений торжественный лад,
Были песни с сестрицей и с братом –
Всё прошло, повернуло на спад.
В чем причина? Вопрос не шуточный.
Почему разбежался парад?
Узелок развязался семейный?
Иль погасли лучинки лампад?
Может, выбрал слова неудачно?
Может, пели мы песни не те,
Но лучина дымит однозначно
И чернила плывут на листе.
Нам не пишутся письма лихие,
Вновь не стоит открыточек ждать.
Видно, стержни в продаже сухие
Стали людям опять продавать.
А быть может, угасли мы сами-
С перебоями сердце стучит...
Только зори горят над полями
И корова к ненастью мычит.

Закатилось солнышко за тучу
И завывали ветры в проводах –
Завтра будет дождь с грозой могучей,
Навевая панику и страх.
Что поделать? человек не волен
Управлять погодой вопреки
Божьим планам, даже если болен
И «мотор» не слушает руки.
Я лежу разбитый и усталый,
Что мне тучи и небесный гром,
Если сердце говорит: «Устало!»

Над моим исписанным листом.
Как мне плыть в бушующей стихии
Без весла, без воли и без сил,
Нет друзей. Попутчики глухие:
Те, кто рядом рисовал и жил?
Помню я еще их молодыми-
Команду воеводинских мазил,
Теперь они предстали бы седыми,
Когда б их Ангел вместе с Духом жил.
Увы и ах – статистика печали:
Мне крестиками надо отмечать,
Кого в команде той не досчитали
И кто бы мог ГЕРОЕМ КИСТИ стать.
Они меня на много лет моложе
И ... никого! Остался я из них
Один, молю с утра: О, Боже, Боже,
Позволь закончить этот грустный
стих...

ЗАПЕВАЙ, родимая, не трись!

Мой славянин, услышал я в дороге
Набор речей о тяжбе двух сердец:
Один сказал: «Шагайте, мои ноги!»
Другой изрек: «Я сделал всё. Конец!»

Подумал я: А где же солидарность,
Мой верный друг и вечный пилигрим?
Ты потерял в пути пассионарность,
Сиди, молчи и не мешай другим.

Недавно мы собрались посудачить
И, кстати, тех, кто умер, помянуть,
Могли ж они на свете что-то значить,
Как мы, но жизнь обратно не вернуть.

От класса нас осталось только трое
Из деревенских трудовых ребят
Советского оболганного строя
От головы до самых, самых пят.

Врали все, кто доступ знал к печати,
Все, кто мог на вейлку залезть,
Врали все по делу и некстати,
Выражая злобу или месть.

И Держава, горестно вздыхая,
Вспоминала вековую РУСЬ:
«Чем же я теперь для всех плохая?
Разгадать загадку не берусь.»

Разгадал державную загадку
Коллектив ПРОЕКТА : «Гей, ты РУСЬ!»
И пошел уверенный вприсядку-
«Запевай, РОДИМАЯ! Не трусь!»

Вьюга сугробы у прясел возводит.
Вихри гуляют по полю с утра.
Зима неохотно к весне переходит,
Хоть знает, что вышел ей срок, что пора.

С воем метет над карнизом позёмка,
Не видно прохожих - сидят у печей,
А в хлеве петух кукарекает громко
Сынок инкубаторный, значит – ничей.

Ветер к обеду сильней свирепеет,
Как пыль по дороге гоняет снега,
К ночи утихнуть еще не успеет,
И вновь поднимается злая пурга.

Дивятся люди: откуда такое?-
Ни в чем постоянства не стало теперь.
Мы помним эпоху любви и покоя,
Когда «замыкали» на прутики дверь.

Тогда и погода, поверьте на слово,
менялась по - божьи и знала сезон,
сугробы в февраль надувались до крова
и тешил крестьянина мартовский звон.

В марте сосульки звенят серебристо,
кому доводилось тот звон уловить,
был счастлив и весел процентов на триста
и дай ему, Боже, всех нас пережить!

В ГОЛУБОМ ПОДНЕБЕСЬЕ...

О, времена! Эпоха дерзновенья
Куда ведет послушливый народ?
Письмо и Книгу к области забвенья
Твоя тропа фальшивая ведет.
Какие муки перенес ФИЛОСОФ,
чтоб защитить КИРИЛЛИЦУ для нас
и вдруг Мефодий в ураган запросов
обязан дать отчет письму сейчас.
И давит нас латынь в письме и слове
славянству и природе вопреки,
но крепки АЗЫ с БУКАМИ в основе
и меч в союзе ПРАВЕДНОЙ руки.
Как нам без книг прикажешь обходиться?
ОДУМАЙСЯ, землянин,
грех глумиться
над буквой, языком и запятой.
Такое может разве, что присниться
и то с безвестной разуму мечтой!
Таятся в книгах таинства ПЛАНЕТЫ:
зачем в кострах казнился интеллект
и изучались древние приметы?
ТВОРЕЦ БЕРЕГ
таинственный секрет:
СВЕЧА в ГРОБНИЦЕ,
излучая свет,
НЕ УГАСАЛА
много тысяч лет.
Опережая БОЖЬЮ СТАТЬ ПРИРОДЫ,
ты много лет, не находя, терял
благую нить бессмертья и свободы,
К ЧЕМУ Ж ТЫ ТАК стремительно бежал...

В голубом поднебесье журавлиная белая стая.
Зеленеет трава и крапивная жгучая рать.
Я Проект для России на досуге вечером читаю.
как учила меня в раннем детстве родимая мать.

Береги свой язык, он надежда твоя и основа
и не всякие книги, из предложенных к чтению бери,
только то, что к уму по родному славянскому слову,
и с кириллицей в сердце, неустанно с любовью твори.

Если встретишь, сынок, в жизни праведной книгу Иова,
ты прими ее к сердцу, будто с Богом ведешь разговор.
непонятный абзац возвращай к себе снова и снова,
а иначе пойдешь городить бесполезный забор.

Эта книга о Вере, эта книга о тайнах СТРАДАНИЙ,
книга поисков ИСТИНЫ в нашей жизни, запутанной в грех,
встреча с БОГОМ Иова, как награда за Дух упований,
за ЛЮБОВЬ через сердце, от Иова к Творцу за успех.

Не за страх он ЛЮБИЛ и молился неистово БОГУ,
в нем НАДЕЖДА и ВЕРА, как Отечество в сердце жила,
шел он с ДУХОМ Святым, шел со Светом немеркнущим в ногу
даже в час роковой сатанинского смеха и зла...

Вот и ныне весна не с водой и теплом, а с ветрами,
только память былого через камни под мохом хранит,
как Природа к нам шла в необычных картинах с дарами,
а теперь в проводах, телеграфных под ветром гудит.

Что же с нами случилось у зари наступившего века?
Академик Крылов не однажды об этом писал.
Неужели создать нам иного с умом ЧЕЛОВЕКА,
чтобы он перед Богом, а не Бог перед нами плясал.

Неужели с умом мы и жить и творить разучились?
Неужели к варягам обращаться настала пора?
Неужели забыто, как отцы за ДЕРЖАВУ молились?
неужели легенда о храбрых безумцах стара?

Чудеса воскресают на пасху

Я представил себе на мгновенье
в хуторок наш явился ТВОРЕЦ,
через дикую долю смущенья
говорю ему: «Здравствуй, ОТЕЦ!»

Он кивком головы мне ответил
и велел без нажима – «Веди!»
Крест на шее я сразу приметил,
знать, крещёный, прошу: не суди –

не богато живем мы покуда:
нет дороги и хлеб привозной,
одолела нас ныне простуда
и при этом пугают войной.

Бог внимательно слушает слово,
взор его на сарай устремлен,
где-то там, очевидно, корова,
значит, должен же быть и пригон.

«нет пригона» – сказал я смущённо,
о корове ли в наши лета?!
глянул он и промолвил: «Резонно,
знать сноровка и сила не та».

Улыбнулся ВЛАДЫКО при этом
«не печалься – сказал - не беда,
есть у русских такая примета:
нет вины, значит, нет и суда».

«Вижу дружная в доме семейка-
говорит мне: - Порядок кругом,
у калитки, как надо, скамейка,
у колодца бревенчатый дом.

Ну, а хутор большой или малый,
в том беды я не вижу для вас,
лишь бы люд проживал в нем удалый,
крепкой верой бы радовал нас.

Бог с тобой, поправляй свои ноги
и живи без печали, мой свет!
БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ ваши пороги
освятил я на тысячу лет.

Не горюй же, поправится ЛАДА,
и теплица твоя оживет,
и земля будет солнышку рада
и до зорьки петух запоет!»

.....

Чудеса воскресают на ПАСХУ,
а на ТРОИЦУ ангел чудес
нам подарит волшебную краску,
чтоб, как в прошлом, украсился лес.

Хуторок наш малый раньше был деревней,
хоть не очень громкой, все ж величина
Жил там со старушкой проповедник древний-
истово постился и не пил вина.

Мне он приходился родственником даже
по отцовской ветви Вологодских мест:
дел печных умелец /постоянно в саже/
На груди могучей православный крест.

Главным смыслом жизни проповедь считал он,
истину от Бога нес по деревням,
«Каждый шаг с молитвой!» - поучал он малых.
С бабушкой Алёной радовался дням.

Вечером с устатку падали на лавку.
Им была лучина светом и теплом.
Власть намеревалась сотворить «удавку»,
и замок повесить на молельный дом.

От заката солнца до звезды полночной
БИБЛИЯ читалась, истину творя,
радовались души и светились очи
у общины сельской и притом не зря.

Строят ныне Храмы и молиться стали
малые деревни, будто города,
Властные запреты были да упали
от людей и веры Божьей навсегда.

Проповедник древний с бабушкой Алёной
спят в земле родимой оба под крестом
и на их могиле, под травой зеленой –
ПРАВДА их и ВЕРА и последний дом.

Пятый раз читаю эту книгу
и вновь берусь молитвенно листать...
Прочтешь иную и откроешь фигу,
а к этой возвращаешься опять.

Какую тайну автор заложил в ней?
Какой секрет немислимый сокрыл?
Какие звёзды отражает иней,
на снежном поле, путь свой завершив?

Мир иной я вижу в каждой строчке
не тот, в который дан судьбою путь,
где мать и сёстры в беленьких платочках
мне помогают сладостно уснуть.

Я много дней в безделице теряю,
хоть есть дела, где тихо и светло,
где лень свою, ругая, укоряю,
сегодня там всё снегом замело.

Нагрянет день и снова будет лето,
шиповник снова буйно зацветет
и старый крест, как давняя примета
меня к забытой тропке приведёт.

И вновь беру я труд архимандрита:
СВЯТЫХ ОТЦОВ божественную РУСЬ
и светит мне березонька от скита –
забыть её, как дивный слог, боюсь.

Мардай в такую тишину наряжен,
не слышно пчел, лишь стонут комары,
а под луною мир и свят и важен
и спит Земля до утренней поры.

Куда ни глянь, всё в духе благодати,
утихли ветры на закате дня.
Отец прилёт с устатку на полати,
с молитвой мать укрыла и меня.

И сон объял счастливое семейство
в кругу надежд и писанных икон,
чтоб на заре возобновилось действие
у пресел павших с ветреных сторон.

Во дворе и за двором во поле,
где хлеб стеной, а рядышком трава...

Для нас стоят рядами парты в школе
и в старых книгах мудрые слова.

Озябло творческое поле
в закатной зорьке ветровой,
не слышно песен наших боле
над хладом свёрнутой травой.

Пылит пустынная дорога
и меж столбами провода
гудят с воронами убого,
как дух природного суда.

А где-то там, вдали за полем,
заросшем густо ивняком
белеет «ХРАМ» мужицкой доли,
давно обжитый стариком.

Откуда он и чей, незванный,
в монашьей рясе с бородой,
в скупых полях, давно убранных
предзимней хлопотной средой.

Он редко из дому выходит,
не видно дыма над трубой,
узнать бы с кем он дружбу водит,
а может сам, с самим собой?! ...

Да, БОГ с ТОБОЮ, друг молитвы,
свой путь неведомый твори,
чтоб нам узреть к НАЧАЛУ БИТВЫ
ИИСУСОВ ЛИК в венце зари.

Я вспоминаю детские года.

Я вспоминаю детские года
и поздних весен череду живую.
как половодий бурная вода
вела со снегом разговор вкрутую...

Недели две, а может быть, и три
в низинах воды хладные шумели,
неся в себе с восхода до зари
хвою и пыль от новогодней ели.

а белые березы в дни тепла
близ шумных струй водили хороводы
и к почкам жизнь кореньями текла-
БЕСЦЕННЫЙ ДАР
живительной природы

И сок берёз – СВЯТАЯ КРОВЬ ЗЕМЛИ
Дань ТВОРЦА в эпоху сотворенья,
когда к ЗЕМЛЕ от тверди потекли
напевы радости ИИСУСОВА
МОЛЕНЬЯ

Хуторок наш открытый, как воля:
семь избенок косых по углам,
чья тут мается горькая доля
вряд ли знает страдающий сам.

Каждый знает откуда приехал,
для чего и кого ему стричь,
только нам он для жизни - помеха:
бездорожья убийственный бич.

Удивится, наверно, прохожий,
заглянув по пути в хуторок,
на крестьянский приют непохожий –
точно райской земли уголок.

Две коровки пасутся по лугу,
изумрудные травы цветут,
злая залежь тоскует по плугу,
и тропинки куда-то ведут.

По совету людей монастырских
водрузили мы крест у пруда
и на диво учёных сибирских
в пруд сухой побежала вода.

Ходят люди, не верят в причуду –
как же так, и откуда ручей?...
повезло пересохшему пруду!
Нашим стал, а ведь был, как ничей.

Здесь паслись деревенские кони
и крестьянское стадо коров,
всем приют был построен в пригоне,
а для стужи и дожδικов – кров.

Все теперь не похоже, что было,
даже люди родные... не те,
будто эхо от крика застыло
на отмеченной Богом черте.

Что нас ждет? – Вековечная тайна,
только небу известен секрет,
ведь и жизнь на ЗЕМЛЕ не случайна!
Вот на наши вопросы ответ.

Всё было по божьему плану

Вся моя деревенька в крапиве
да к тому ж старомодный лопух
вырастает заботливо, живо,
чтоб лечить от подагры старух.

Где просветы они образуют
на поляне с пожухлой травой,
одуванчики воздух врачуют,
оживляя его головой.

Утром ранним туман, как сметана,
обнимал и деревню и лес...
не хватало лишь песни баяна
воскресить это диво чудес.

Скоро солнце взойдет из тумана,
наши годы кукушка сочтет,
нежной зеленью вспыхнет поляна
и для куриц петух пропоет.

Всё как было: по БОЖЬЕМУ плану
делай сам, никого не зови!
Мир тебе без вреда и обмана
ради верной и светлой ЛЮБВИ.

Деревенька моя истребилась
вместо той, где господствовал смех –
знаю, предкам и в пьяни не снилось:
словоблудие, зависть и грех.

Откуда есть пошла РОССИЯ?
Через недели и века:
кому гроза, кому мессия,
кому бессмертная строка.
Она была, и есть, и будет,
в ней сила памяти крепка,
и РЮРИК был,
и ВАНЬКА будет,
углём подкрашенный слегка.

А дальше? – даль
и в этой дали,
СЕКРЕТ ИОВА:
хлеб и соль..
Там наша речь, там наше слово,
там сердца крик, душа и боль.

Там Православный КРЕСТ В ИТОГЕ
на ХРАМЕ ВЫСШИХ БОЖЬИХ СИЛ
и МОНАСТЫРЬ в конце дороги,
какую нам Творец
ОТКРЫЛ.

Я запомнил твой образ, Арсений,
в лапоточках пришедший к отцу
в тёплый солнечный полдень весенний,
с БОЖЬИМ СЛОВОМ, присевший к крыльцу.

Был ты, помнится, рыже-огнистым,
этак лет дотянувший до ста
и с седой бородой приземлистой,
как с иконного чудо-листа.

Ведь живешь ты в горах одиноко,
звери ходят на завтрак к тебе,
прилетает сорока – воровка,
как к своей бесприютной судьбе.

Как один ты в лесу оказался
в незапамятных детских годах?
В непогоду под ёлкой спасался,
презирая и голод, и страх.

перемог ты и страхи и муки,
создавая для жизни уют,
теперь твои всемогущие руки
в бересте чудо – сказы куют.

Они достойны большого музея
с исторической точки, на взгляд
как ПЕТРОВСКОЙ эпохи фузея,
иль космической пушки снаряд.

Ты из леса в деревню приносишь
и живицу и травы БОГОВ.
сам в лаптях, как юродивый, ходишь,
кормишь духом тайги стариков.

Все тебе благодарны за это
беспокойный скиталец лесов,
БОЖИЙ ПРАВЕДНИК белого света
с хором птичьих лесных голосов.

Ты с Мардаем давно подружился,
полюбил тебя крепко отец,
что водой родниковой умылся
СЛОВА БОЖЬЕГО верный истец.

И тебя отискал он, как друга
от своих благородных идей,
где находка, как божья услуга:
Всё - что мило – для добрых людей

Прощальный луч вечернего заката
явил себя из тучи грозовой,
на зов любви, плененной им когда-то
в кругу БОГОВ на зорьке вечерной.

Он помнил миг и место этой встречи,
забыть которых было выше сил,
и тот туман, а под туманом плечи...
Он много лет воспоминаньем жил.

И вновь она и пламя с облаками,
чуть ветерок колышет рой вершин
и луч горит, обласканный веками-
защитник ЧЕСТИ , гордый исполин.

А между тем по облачному полю
искусный мастер с ангельским лицом
изображал БОЖЕСТВЕННУЮ волю
широкой кистью, данною Отцом.

И золотились облака, спадая
за горизонт к рубиновой черте,
за кромку леса хутора Мардая
по изумрудной жилке на листе.

И вопреки желаниям тревожным
угасла песня дивных небылиц,
как наших планов, часто невозможных,
на хлебном поле выстраданных жниц.

В декабрьскую стужу нам хочется лета
И жаждет прохлады в июле душа,
Как ночью померкшей мы слепнем от света
От вспыхнувшей свечки в руках малыша.

Нам кажется странным сиянье предмета
И тяжесть невзгодных ударов отцам.
Людям хорошим тревожно на свете
И в этой печали смешно подлецам.

Истины нет среди нас, не ищите.
Излиха нас словом ТВОРЕЦ наградил,
Что хочется крикнуть: «Прошу, Вас, уймитесь,
Ни слышать, ни видеть нет праведных сил»

К рождеству Христова

Вчера с утра и до обеда
Висел туман над хуторком,
А ночью к горечи соседа
Свалился иней с ветерком.

Я очень рад такому свойству,
Когда в природе чудеса,
Подобно дикому геройству,
Нам поднимают волоса.

Я рад утру, его кристаллам
В таком сиянии небес,
Когда сугроб и в поле малом-
Все в пойме радуг, даже лес.

Мои кристаллы, будто кони
Сверкают бегло по снегам
В церковном нежном перезвоне
И серебрятся здесь и там.

Ведь ныне день рожденья БОГА!
Сегодня утро Рождества
И от ворот и до порога
Звучат родимые слова.

Родился Сын – посланник Бога,
Спаситель мира ИИСУС ...
Его тернистая дорога,
Его безмерной доли груз,

Волнуют нас, как будто прежде
Своею истинной красотой,
Своей оправданной надеждой,
Как свежей утренней росой.

Мой отец был конюхом от Бога.
Лошадиной силой дорожил
И меня к тому наставил строго,
Чтобы я, как он, коню служил.

Сбрую знал, как ОТЧЕ НАШ, не менее
И чтоб берег все это, как коня,
Да трудился с ним в поту без лени,
Никого, при этом, не кляня.

Вот тебе комплект, как говорится,
Чтоб мог запрячь коня и двинуть в путь,
Пока на печке деду с внуком спится,
А мать в тревоге не могла уснуть.

Коню хомут, уздечка и шляя,
Дуга с супонью крепкой и гужами,
К тому прибавь оглобельки с тяжами
И будет за вратами колея.

Потом на ось колёсико приставь,
К телеге шкворнем передок привяжешь.
Седёлку в спешке дома не оставь
И отдохнуть на малый час присядешь.

Коню овёс и сено всякий день,
Колодезная чистая водица.
Сарай с конюшней теплой, где плетень
И... Божий Свет тебе привыкнет сниться.

Да не забудь же в чередѣ забот
Про ХЛЕБ СВЯТОЙ, что в полюшке родится.
Стук топора и тихи скрип ворот
В живой деревне потихоньку снится.

Я сегодня счастлив на удачу.
Я с молитвой шествую по свету:
Не грешу, не пьянствую, не плачу
По родимой матушке совету.

Мать советы умные внушала:
Не гордись, что статен и умен,
Без ДУШИ, ну что б с тобою стало?
Ветер в поле, прошлогодний звон.
О погоде спорить не пристало.
Человек не волен диковать,
Чтобы солнце ярче заблестало
Или ветру тотчас утихать.

Помни всюду заповеди Божьи,
Лоб крести усердно без стыда,
Не скрывай свои ошибки ложью
От людского гневного суда.
Чтобы пахарь радовался плугу,
Слыша плачь ребенка за стеной,
Руку жал и нищему и другу,
Не грозил обидчику войной.

БОГ В ТЕБЕ и ОКОЛО, ПОВСЮДУ,
В каждом слове, сказанном тобой,
Если я об этом позабуду,
Ты напомнишь мне – само собой.

Не суди соседа, хоть и злого,
Не хвались молитвой и постом-
Знает он, что прежде было слово,
А за ним уж, встреча со Христом.

А жить так хочется, боже!

Солнышко клонится к лету.
Приметы весны все видней,
А песенной радости нету,
Когда вспоминаю о ней.

Наверно, старею я все же
По ветхим тоскливым годам,
А жить - то как хочется, БОЖЕ!
На радость моим деревьям.

Мне по сердцу поздние вёсны
С обильным покровом зимы,
Когда и березы и сосны
Скинут с плеч свои шубы, как мы.

И хлынут ручьи по дорогам
В низину сначала под снег,
И мир, установленный БОГОМ,
Остановит их бешеный бег.

Половодьями бурные воды
По падам разольются потом,
Как ревнители теплой погоды
Под большим Православным крестом.

Будут днем бушевать и ночами,
В крике детских восторгов и бед.
Мы такого давно не встречали
В суете торжествующих лет.

НЕ ШУМИТЕ, ЕЛИ: НЕ РЫДАЙ, РЯБИНА,,,

Вырубаются леса и свирепеет ветер

Сумасшедший ветер по Сибири дует,
снежные заряды прячут горизонт.
Валентин Распутин за Байкал горюет,
Непогодь в прогнозах расширяет фронт.

Чуден ветра посвист для реки и моря –
поиграть волною в радость торжества.
Для ржаного поля и для леса – горе:
гнется колос долу и дрожит листва.

Получил «Восточку» в прошлую неделю,
развернул и ахнул – новость выше сил:
вся в слезах рябина, закачались ели ...
Не о том ли Ярцев в прошлом говорил?!

Всё Вадим предвидел, верить не хотелось:
ХИМИЯ отравит Лену и Усть- Кут.
Я ведь тоже помню, как жилось и пелось
В Осетровских буднях про любимый труд.

Эшелоны леса побегут к ЗАВОДУ,
оголятся горы, берег над рекой.
Осетры заплачут и покинут воду
курсом в Заполярье от беды такой.

Не сумел покойный защитить Байкала,
вновь от диких планов слёзы у рябин,
а обжорной дури вновь чего – то мало
и мелькает в планах «ласковый» рубин.

Не шумите, ели: не рыдай, рябина:
о тайге зеленой думает речник,
есть еще в народе умные детины,
для кого ПРИРОДА –
НЕ БЕЗДУШНЫЙ ЛИК

Февраль авансом к нам стучится
ветрами вьюжными с утра
и станет целый день беситься,
как в шумных войнах детвора:
то дверь дощатую откроет,
то взвоят волком в проводах,
к полудню след к колодцу скроет,
как слух о шумных городах,
прибавит снегу через сутки,
устав позёмками играть
и приморозит ради шутки

потом в сугробе ляжет спать,
забудет в дрёме о дорогах,
забитых дерзостной пургой
и позовёт мужик с порога
мешки дорогою другой.
Февраль крестьянам не подмога,
не друг он им и не любовь –
ОДНА ЗАБЫТАЯ ДОРОГА
и ту упрятал снегом вновь.

Уходит деревня с бедой в непогоду
Шальные ветра нас тревожат всерьёз.
Не стало на улице вовсе народа,
лишь дед все глядит на дорогу до слёз.

Топятся печи в деревне дровами –
горит белоствольная наша краса,
качается в ветре печаль с деревьями,
редеют бесхозные наши леса.

Их рубят безжалостно пьяно и грубо,
везут на продажу уже кругляком...
Рады, что справились быстро и любо,
гордятся собой дровосек с дураком.

И горы открытыми стали для бури
зимою и летом заводы дымят –
везут ЦЕЛЛЮЛОЗУ из нашей Сибири
и вслед ей угрюмо народы глядят.

Из края в край стремительно бегут
Автомобили всех систем и марок,
Бензин и время двигатели жгут
Безжалостно, как в топках кочегарок.
Там «кровь» планеты яростно горит
В душе машин с горячими свечами.
Известен ли того ОГНЯ лимит,
Добытый в спешке нашими плечами?
Летит ЗЕМЛЯ с холодной луной.
Орбита их покуда без печали
И космос миру не грозит войной
И светят прошлых подвигов медали.
Живи и радуйся. Зеленая трава
Пока дыханьем божеским объята
И не болит с похмелья голова,
А что в ЛЮБВИ, то радостно и свято.
Над миром в выси православный крест
С лицом РОССИИ правдой опечален.
Нам нет в иных благодеяньях мест –
Мы там, где ИСТИНА и незабытый Сталин.

МОЯ СИБИРЬ

Едут со мной в пассажирском вагоне
Красивые люди чудесной страны.
Пасутся на травах коровы и кони,
и зреют хлеба, как во дни старины.

Мелькают за окнами: церкви, деревни,
Леса, перелески, поля и мосты,
Покинутый домик под тополем древним,
А вдоль магистрали – немые кресты.

Бежит электричка по рельсам звенящим,
Тревожит гудками бескрайнюю ширь.
и в зимний мороз и под солнцем палящим
Живет и работает наша СИБИРЬ.

Из каторжной доли ты стала судьбою
Для тех, кому снилась земля с бороной.
Теперь ты любишь тихо собою
В зеркале Славы с ожившей страной.

Всё это наше и нажито нами
И Родиной нашей зовется теперь.
Мы каждую вежу тут ставили сами,
Держа отворённой для нищего дверь.

Кормилица наша и наша защита
от пыльных и грозных погодных невзгод
И клады твои до конца не открыты –
Таишь их под спудом глубинных пород.

Наша жизнь – это та же дорога
От рожденья по вехам недель:
с материнским крестом от порога
до конца – то дожди, то метель.

Есть при этом и яркие зори
И бывает полуденный зной,
Если глянуть в страницу историй
нашей веси и даже иной.

Сколько лет мы идём по дорогам
Из деревни в деревню и в лес,
Замечаем: то гость за порогом,
А в доме нашем «поле чудес».

Озабоченный детским приютом
будешь рваться на школьный урок,
чтобы бегать по классам- каютам
добывать себе знания впрок.

Поведет тебя лестница в гору,
там науки немножко сложнее
и в бесстрашную юную пору,
можешь встретиться где-нибудь с НЕЙ.

Хорошо, если в детстве воспитан,
если рыцарским духом живешь,
если Божьей молитвой напitan –
ЧЕЛОВЕКОМ к финалу придешь.

И прекрасная пара случится
на планете небесной ЗЕМЛЯ
и Святое потомство родится
на зеленые наши поля.

оживут полевые дороги,
будут песни над ними звучать,
многолюдными станут пороги
Чем возрадуют старую мать.

Экологическое состояние планеты

Сохнут реки, озера, колодцы –
удивляется сельский народ:
«Надо с этим ведь как-то бороться!»
Нечем будет полить огород.

Голова-то к чему?.. Думать надо-
миром правит система, не мы,
можно спорить со мной до упаду,
если чайник пустой у кумы.

Сумасшедших ветров образина,
будто леший смеется с утра –
без водицы осталась низина,
что волной забавлялась вчера.

«Надо гнать лесорубов из леса» -
дед Нектарий кричит у ворот.
«вместе с ним и конторского беса» -
подсказал из – за прясла народ.

Комбинатов настроили – море
По Сибири, улыбку тая:
блеск машинам, а сосенками горе –
оголились родные края.

И ПОДУЛИ ВЕТРА – ЛИХОДЕИ

по просторам безлесных долин,
обмелели ручьи без надежды,
потеряв своё место РОДИН.

Скинул лес свой праздничный наряд,
тихо в поле, убранном до срока.
Старых прясел обветшавший ряд
приник к земле сухой по воле рока.
Пугает осень поздняя зимой,
синички рады голосистой воле.
Дедок с холщёвой меченой сумой
всё ищет СПАСА от сердечной боли,
а сердце пуще прежнего стучит
и часто в «бег» пускается некстати...

Сосед его который день ворчит,
что нет былой в природе благодати.

Я родился в советской державе,
В небольшой деревеньке Мардай.
И гражданства потребовать вправе,
Как бурят-хонгодор Субудай.

Этот образ был вымышлен мною
Для легенды, чтоб хутор воскрес.
Чтобы стала деревня родною
И ее окружающий лес.

Я не русский, я вепс обрусевший
С вологодским акцентом речах.
Как и предок в Сибири осевший
При добытых охотой харчах.

Здесь я выучил азы и буки,
Научился писать и читать.
Мой отец дал литовку мне в руки,
К православию вывела мать.

«Ты талантлив-сказал мне учитель,
Но дорога твоя не легка.
Шевели головою, мыслитель,
И порадуй меня старика».

И пошел я, крещеный по Свету,
Наживая друзей и врагов.
Плавил сердцем добро и монету
По реке меж крутых берегов.

Деревеньку мою растащили
И на мясо пустили коней.
Огонек наш живой потушили,
Сохранилась лишь память о ней.

И теперь по бетонным дорогам
Скоростные машины летят,
На бегу, забывая о многом,
Что добро в этой спешке и яд.

Дописал я легенду без боли
И ожил на бумаге Мардай:
Все к лицу, даже главные роли
и Айгуша и муж Субудай.

Мне осталось закончить с улыбкой
Этот творческий краткий дебют.
В нашей жизни тревожной и зыбкой,
Воспевающий детский уют.

С чем пойду я в Святую обитель
По пути совершенных грехов ?
Старый сельский почетный служитель,
Сочинитель прицельных стихов.

Исцели больного
просит нас СОЗДАТЕЛЬ
и иди дорогой, выбранной тобой.
Наша цель, приятель,
добрыми делами: устилать дорогу
МИРОМ за собой.
Накорми голодного без боли,
что лишил последнего куска
САМ СЕБЯ
к тому ж по доброй воле,
и забудь про это, а пока:
видишь, плачет горькими слезами
по несчастью
СТРАННИК – НИЩЕТА,
сжался сердцем
пожалей уж что ли!
обними без злобы и суда.
«ОТЧЕ НАШ»,
промолви без досады,
обними березку по пути,
лес и травы в поле
будут рады,
путь свой в даль
улыбкой золоти.
И шагай по свету без печали,
ты свой ДОЛГ исполнил,
как обет,
чтоб тебе колосьями качали
НИВЫ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ
во след.

МАРДАЙ (мокрый) легенда

Пятый день качается в седле молодой бурят Субудай из рода хонгодоров. Его мысли, как торфяная речка, текут тихо, едва заметно, не возбуждая острых чувств. Кобыла каурой масти, не погоняемая седоком, вышагивает не спеша, успевая при этом насыщать себя сочной росистой травой, благо не мешают ей удила. Четыре раза садилось солнышко то за лес, то за гору или за широкую бескрайнюю луговину с обильным разноцветьем, образуя туманы и радуя все живое на земле животворящим теплом да светом. Но все не видит Субудай той черты, у которой встрепенется душа и скажет: «Вот тут наша земля!». Однако молчит душа, и буйно цветут травы на нетоптанных лугах, и в этом многоцветье гудят дикие пчелы, выискивая нектар. Субудай покидает седло и идет рядом с кобылой по едва заметной в траве звериной тропе

Когда сумерки завершают день, надевает Субудай волосяные путы на передние ноги коню, а на шею вешает старое медное родовое ботало, чтобы по его звуку угадывать, где пасется его Даренка. Для себя он стелит ветки дикой акации или ольхи, на них кладет потник и седло для головы. Летние ночи теплые и короткие – не успеешь уснуть, а уж рассвет с другой стороны крадется к тебе, чтобы разбудить для начатого дела. На другой день все повторяется в той же последовательности. Молодо вскочив ото сна, покуда кобылица пасется на росистых лугах, парень обходит окрестности, выискивая место, пригодное для жизни, но до сих пор глаз бурята не находит того, что ищет душа – и они идут дальше. Сытая кобылица отмеряет неведомый ей путь неторопливым шагом, седок, качаясь в седле, поет свою тягучую дорожную песню, которой научил его дед: обо всем, что видит глаз, а глаз Субудая видит осиновые рощи по холмам, видит кусты боярышника и черемухи. Но на всем пути ни одной юрты, ни одного стана, ни одной брошенной арбушки. Дни сменяются днями, меняется земля, а того, что ищет душа бурята, нет.

На шестой день к вечеру подъехал Субудай к небольшой речке в широкой пади, оставил седло, надел путы на передние ноги кобылицы и, сняв с головы ее уздечку, сказал доверительно: «Иди гуляй, милая, видно, здесь ночевать будем». Под кучерявой раскидистой березой развел костер, из осиновых жердей соорудил вешало для котелка, принес воды, нарубил тальниковых веток себе для лежанки и с превеликим удовольствием вытянул на них молодое, здоровое тело. Проснулся ночью от прохлады, долго любовался он звездным небом, потом вскипятил чайник, согрелся горячим напитком и наметил себе работу на день. Солнышко еще только собиралось покидать изумрудно-голубые лесные дали, а у Субудая уже лежала возле осиновой рощи куча жердей для балагана...

День уже склонился к вечеру, когда труженик будущего становища, вытерев пот с себя, отошел от того, что получилось, и с радостью сказал себе: «Молодец, Субудай!» Крепко заваренный чай, никем не потревоженный березовый лес, навевали на парня вольные мысли, в сознании его явственно ожили слова отца и его наказ, не очень ласковый для судьбоносной прощальной минуты...

Пять дней тому назад покинул сын родной улус, где родился и вырос. Дом отца не стал для него отчим домом, отец не любил его за мягкий характер, и, когда достиг отрок совершенного возраста, он дал ему новое седло, расшитую попону и каурой масти жеребую кобылу. Вручая повод, отец сказал сыну: «Ты не воин и не борец. Твой удел – тихий стан, юрта, земля и пот. Эта кобыла принесет тебе жеребят, сделает тебя сытым, если не будешь лениться. Возьми у матери припас харчей на неделю, все остальное – во вьючной суме. Все! Иди, ищи свою тропу».

Субудай покорно принял свою долю из рук отца, припал на левое колено и приложился губами к полу халата родителя, молча оседлал теперь уже свою кобылицу и неспешно, как привык делать все, покинул родовое стойбище. Повод наборной уздечки положил на стриженую гриву и покорился чутью лошади, не правил, не понукал, а по ходу шагов коня раскачивался в седле и перебирал в памяти отрывки своей недолгой жизни.

Причин холодного отношения к нему отца и братьев, в силу сложившегося мировоззрения, он не находил, но и злобы не было в душе. Его недолгий жизненный путь связан был со скотным двором, где кроме лошадей были верблюды с овцами, и его образ жизни не был похож на жизнь его братьев, проводивших большую часть дней в седле - в скачках, в борьбе на охоте, а в особые дни и недели - по родовым насечкам предков, когда съезжались многочисленные сородичи, братья ударялись в гульбу на много дней. Младший брат сторонился того, чем были заняты потомки Чингисхана, как называл их сам отец, и незаметно с годами стал Субудай изгоем в своем родовом гнезде.

И вот он теперь должен сам решать за себя и содержать кобылу так, чтобы принять и сохранить приплод, начать строительство и, прежде всего, возвести дом-юрту для себя, а потом и для Даренки (так он назвал подаренную отцом кобылу каурой красивой масти). Место, выбранное им для жизни, - сырое, обильно растет трава, много травы, и до осени кобылица будет сыта; но ведь на зиму надо накопить травы: не оставлять же ее на зиму без сена. Неожиданно напугала парня мысль о колодце: речка мелкая, в зимнюю стужу промерзнет до дна. Чем тогда напоить и Даренку, и жеребят?

Черета этих мыслей так утомила и напугала Субудая, что, едва дождался, когда закипит чайник, а теперь возбужденный крепким напитком, он вернулся к мысли найти стойбище Иринчея. Он старый друг семьи и, однако, даст добрый совет, как устроить мне теперь свое стойбище и где найти мастеровых людей для строительства и конюшни, и жилого дома, и колодца, и сараев с кормушками. С этими мыслями крепко уснул он в своем балагане...

Утренняя прохлада холодной змейкой заползла под рубаху и разбудила. Костерок давно погас, и чайник, уже холодный, висел над кучей золы. Субудай торопливо разгреб золу, раздул тлеющие угольки - и вскоре вспыхнула сухая береста и оживила накиннутую на нее кучу сухостоя. Наспех обулся, побежал на речку и, освежившись холодной водой, радостным вернулся в свой чум. Попив горячего чая, отправился на поиски Даренки. Едва слышимый звук ботала направил его к низовью широкой пади, окаймленной кустами черемушника. Кобылица, услышав шаги хозяина, вышла из-за кустов и направилась навстречу. Субудай, благодарно погладив по спине и распутав ноги, повел Даренку к балагану. Устроив седло, походную суму, он прижался к морде кобылы, сказал как можно ласковее: «Поедем, подружка, искать старых друзей деда. У тебя хороший нюх и молодые крепкие ноги». Умного животного не надо было понукать, Даренка бойко пошла от места стоянки по косоугору навстречу поднявшемуся светилу. Субудай не был никогда у Иринчея и не знал дороги к нему, поэтому не правил конем, и тот пошел только ему известным путем под заунывные песни хозяина...

Идет день, идет два, на ночь останавливаются они у речек и озер, разводят костер, пьют чай. Потом встают до восхода солнышка и опять продолжают свой неторопливый путь. Когда третий раз поднялось солнышко над головой, Даренка заржала призывно - стало быть, чей-то стан на их пути...

И через какое-то время подошла кобылица к неизвестной юрте. Навстречу им вышел старый бурят небольшого роста, привязал коня к столбу и сказал: «Иди за мной, если приехал с добром, будем разговаривать и пить кумыс».

Так Даренка привела Субудая к старому буряту Иринчею, другу его деда и отца. Всю ночь сидели молодой со старым у семейного очага, кипятили чайник, заваривали зеленый чай, пили с молоком и без молока, рассказывали друг другу все, что могло интересовать и того и другого. Субудай поведал Иринчею, откуда он приехал, какое там благодатное место: много воды, много травы, много строительного леса, а вот строить улус некому. «Как называется то место, где ты живешь?» - спросил старик. «Не знаю» - говорит Субудай. «Ну если там много воды и травы, значит, это мардай по-бурятски!» - говорит Иринчей. «Пусть будет «мардай», - соглашается молодой бурят, и моя юрта тоже Мардай, захохотали оба, как старые друзья. Когда был выпит старый чай и заварили свежий, Иринчей говорит: «Утром я тебе покажу дорогу, где живут шибко хорошие люди, они тебе построят улус Мардай, а ты, приведешь мне кобылку от твоей кобылы, у нее шибко хороший будет приплод. Не забудь».

И Иринчей рассказал Субудаю, кто эти люди, которые умеют шибко хорошо строить. Потом старик показал Субудаю на двух подростков и сказал: «Они пойдут с тобой к твоему Мардаю, посмотрят, где и как ты живешь, узнают дорогу к тебе и осенью по этой дороге приведут к тебе хороших людей, которые будут строить твой улус. Сказал и ушел. Субудай понял, что разговор окончен, надо седлать Даренку и отправляться в путь. Он сделал ребятам знак, вскочил в седло, погладил рукой шею кобылицы и сказал ей: «Поехали!»

Свою тропу кобыла помнила и ходким уверенным шагом пошла по ней. Субудай оглянулся: ребята седлают своих монгольских коней. «Догонят», - подумал он и углубился в свои думы. Домой Даренка пошла скорым шагом, и поздним вечером, когда весь небосвод был усеян звездами, седоки подъехали к балагану молодого хозяина, расседлали коней занялись каждый своим делом. Юноши, заинтересованно обходя луговину, перешли речку вброд и пошли вверх по ручью к истоку, чтобы убедиться, насколько мощным является родник, питающий речку. На обратном пути они нашли в пади заросли дикого лука и, собрав его, приготовили ужин. Ужинали всей компанией тем, что привезли с собой из дому, а тут приправили зеленым диким луком с солью. После сытного мясного ужина долго, делясь впечатлениями от пройденного пути, а также от увиденного тихого зеленого уголка природы - будущего Субудаевского улуса, - пили крепко заваренный чай. На удивление самим себе после утомительной верховой езды да крепкого чая все уснули крепким сном, а когда пробудились, солнышко уже поднялось над лесом, и высохла роса на траве.

Субудай проводил ребят «на полет стрелы», как принято в роду, отпустил Даренку и лег на свою постель, чтобы обдумать дела на предстоящие дни: надо привести в рабочее состояние косу, надо походить по березникам и найти такую березку, чтобы получились из ее вершины вилы для работы с сеном, надо обзавестись хоть маленьким огородом, надо найти место для отхожего дела...надо, надо, надо и все надо. Раньше этим занимались дед, отец и мать, иногда привлекались к тяжелой работе с землей братья, а теперь все это – моя забота. От всех этих «надо» заболела голова. Он потер виски, нарвал зеленых лопухов, лег лбом на них и незаметно крепко уснул и проспал до полудня, а когда встал, напугало его чувство разбитости, будто били да колотили его дубьем и закинули в балаган.

Сходил на речку, умылся холодной водой, повесил чайник над холодным кострищем и разжег костер, размял суставы рук, ног, плеч, поясницы, упал плашмя на теплую травку и сладостно потянулся – молодой здоровый организм требовал девственной мужской разрядки. И неожиданно Субудай подумал о женской близости и вспомнил вопрос старика Иринчая: «Как зовут твою половинку?» « Да, одному в этом райском уголке тоскливо будет жить», - подумал он и снял кипящий чайник с вешала. Глоток заваренного чая – и, взяв необходимый инструмент, отправился в сосновый бор. Субудаю для задуманной работы нужна мелкостойная. И он идет вглубь леса, оценивает на глаз дерева, постукивает по ним топориком, как старый мастер, совершает затесы на каждой сосенке и считает по порядку: одна...две...пять...тринадцать... Дойдя до цифры тридцать, делает последний затес и, устроившись на серый, покрытый мхом камень, закуривает свою недавно обновленную трубку, подаренную стариком Иринчеем, и начинает строить в мыслях свою юрту, считая венцы каждой стенки. Цифра 10 пальцев каждой руки, да еще столько, однако, хватит, решает Субудай. Теперь все эти хлысты вытащить из чащи, а потом доставить к балагану и, обработав как полагается, сложить для просушки до будущей весны, а там и построить дом себе к зиме.

Две недели пробежали, как два дня. Необычно морозная зима сковала в этом году все, что можно было сковать, речка Мардайка долго сопротивлялась холодам, но в последние дни января все же сдалась и ушла под наледь бесчувственной, и теперь, потрескивая и ломаясь, ползла по ней ночами густая наледь. Родник жил, бросая вызов остановившемуся течению времени, скованному пятидесятиградусным морозом. Березы оделись плотным куржаком и стояли в таком наряде до самого февраля, месяца ветродуя. Огонь в балагане Субудая не угасая жил всю зиму, согревая хозяина, и таял в чайнике искристый, как алмаз, зелено-голубой сибирский снег. В самые жуткие морозы, Даренка уходила в еловую чащу, а днем

объедала с боков зеленые стога накошенного летом сена. Если она подавала тревожный зов, как это делают кони, Субудай хватал заряженную картечью берданку и бежал к ней в ельник, успокоив кобылицу, возвращался в балаган. К счастью, волки обходили субудаево становище, а другой зверь березовые рощи не населял, оберегая покой бурятского улуса. Как бы ни лютовала зима, а пришел конец и ей.

Поставил Субудай колышки на углы, промерил каждую из пяти в длину, водрузил по наметке пять лиственничных бревен, соединив их друг с другом замками, как учил дед, а потом Иринчей, и стал класть друг на друга бревна на мох, связывая каждое верхнее с нижним бревном через березовый шкантик, а бревна друг с другом на углах - специально вырубленными по углам замками. И так звено к звену, венец к венцу кладет Субудай дом для себя, теплый, рядом с балаганом. Последнюю работу по юрте помог сделать таинственно оказавшийся тут странник с огнисто - рыжей бородой, в возрасте чуть ли не ста лет. Для Субудая он оказался необъяснимым чудом: человек ниже среднего роста, в берестяных лаптях, в одежде из грубого белого холста. Появился неожиданно, будто с неба свалился. Из березовых прутьев, нагретых на костре, сделал пять колец, надел их на стояк, а стояк приторочил к дверной стойке и все это связал на глазах ошеломленного парня, а когда готовую дверь водрузил на место, сказал : «Напои-ка, молодец, чаем меня горячим!». Субудай заварил крепкого зеленого чая, разлил по кружкам и спросил : «Кто ты, и откуда будешь?» «Я божий человек. Ты бурят, молодой, тебе это трудно понять, у вас другая вера, и ты построил себе дом, а я хожу по свету и помогаю людям понимать и уважать друг друга. « Почему ты один?» - спросил он Субудая. Всю эту ночь два человека сидели у костра и рассказывали друг другу о себе, а когда взошло солнце, Божий человек сказал : «Плохо, что ты, Субудай, один, найди себе друга по сердцу, полюби и роди сына, чтобы не прервалась связь и чтобы не одна юрта стояла тут твоя, а родилась деревня и твоя большая семья!». И когда стал теряться прищелец в лучах восходящего солнца, Субудай, спохватившись, ринулся за ним: «Как звать тебя?!» - крикнул вслед и услышал, будто гром с неба : «Ру-у-сь-сь!»

Ватага древоделов, посланная стариком Иринчеем, явилась к Субудаяю уже глубокой осенью и, не мешкая обследовав сосновый бор, тут же принялась заготавливать лес для строительства

Зима не заставила себя долго ждать. Повалил снег, а с ним нагрянули и холода, они сковали собой благодушное летнее настроение, зато помогли по снегу скатать лес к месту построек, намеченных хозяином. Теплая юрта, сработанная им, оказала добрую услугу , и они не стали ждать весну, а начали строить добротную конюшню для своих рабочих лошадей и для хозяйской Даренки. Неожиданно утреннюю тишину разбудило призывное ржание Даренки и лихой топот стригунка – первенца кобылицы Субудая

Три всадника, слезая с коней, потребовали к себе хозяина, и он опешил, увидев братьев. «Откуда вы и с какой вестью приехали ?» - встревожено подошел к ним Субудай. - «Мы прямо от Иринчея, – говорит старший брат, покидая седло, – он нам рассказал, где тебя искать, дорогой братец, кстати, и привет с поклоном велел тебе передать». Вспомнил Субудай про обещание, данное старику, и повел братьев в свою юрту, обжитую и ставшую приютом ему и целой бригаде древоделов. Братья приехали с доброй вестью и рассказали, что у них в доме отца живет девушка, бурятка, сирота. Родители ее погибли в грозу на речке в Саянах. Случилось это прошлым летом, с тех пор она и помогает нашим старикам по хозяйству. Отец наш послал нас к тебе посмотреть, как ты живешь и с кем, вот мы и ищем тебя все лето. И только дед Иринчей знает тропу к тебе. Короче, поедem с нами, повидеешь стариков, увидишь сиротку нашу и, если понравится, и женим вас. Нам она шибко приглянулась, зовут ее Айгуша.

В обратный путь взяли на повод красивую кобылку от Даренки для Иринчея. В иринчеевом улусе братьев встретили внуки и тихонько подвели к лошадке, чтобы не спугнуть ее. Иринчей принял повод и стал гладить, что-то нашептывая ей. Когда она успокоилась, обнял шею юной кобылицы и сказал, обращаясь к Субудаяю : «Ты, добрый

батыр, не забыл старика. Будет твой Мардай хорошим улусом!». Теперь братья устремились в свое родное стойбище, и чем ближе они подъезжали к дому, тем резвее бежали кони.

Пристальный, ласковый взгляд девичий решил все сомнения и Субудая, и его братьев, утомленных дорогой. Все разом бросили поводья, соскочили на землю и шумной толпой вломились в дом. Со слезами счастья обняла старенькая мать сына младшенького, уже повзрослевшего за эти годы отшельничества по вине каприза отца и мужа. В этот радостный час свидания забылись все обиды, нанесенные кому-то и когда-то. Внимание всех обращены на Айгушу и Субудая – как-то они поведут себя? После шумного семейного ужина взял Субудай горячую руку девушки в свою и они вышли из жарко натопленного дома на свежий воздух, молча прошли обширный двор и вышли к реке. На берегу Субудай осмелел и первым нарушил молчание: «Айгуша, поедem со мной в мой улус». - «А где это? – спросила она, отводя смущенный взгляд от парня. «Завтра увидишь. - ответил он, неловко обнял девушку и тут же, словно спохватившись, прижал ее к себе. И время утратило для них свою меру. Всю ночь они гуляли по берегу реки, а когда прохладный туман потянулся вверх к золотом охваченной утренней заре, вошли в дом...

Через малый час отец вывел из сарая нарядный тарантас, посадил в него жену, устроился сам и тогда дал знак сыновьям седлать коней. Субудай помог Айгуше взобраться на белого скакуна, и торжественный поезд взял направление навстречу восточному ветру.

У пределов старого шамана полыхал огромный костер, его окружал хоровод нарядно одетых юношей из молодых бурятских монахов, они по ходу венчального обряда станут олицетворять собой тот мир супружеской пары, куда устремляет их сила природы.

Когда костер догорел, отец и мать Субудая подошли к шаману, он дал знак молодым, и те, получив от шамана золотые кольца, встали на колени перед родителями, а затем перед шаманом, низко склонив головы. В этот момент за его спиной застучали - и вспыхнул огонь любви. Хоровод исполнил обрядовый танец. Венчание закончилось в юрте-храме за круглым столом на ковре. По древнему обычаю покинуть место венчания и храм можно только с восходом солнца, что и было исполнено. А после обеда братья проводили молодую супружескую пару в счастливый путь, и с этого дня повели Субудай с Айгушей счет годам своей жизни в новой, никому не известной еще деревне Мокрый Мардай.

Жеребчик белой масти, подаренный стариками, бодро вышагивал по новой для него неизвестной тропе рядом со стригунком, неся на себе молодую женщину, ставшую женой Субудая. Все для нее в этом мире было новым, немножечко странным. И уходил дальше грозный миг, сотрясший во вспышке молний и грохоте камней горы и лишивший ее самых дорогих и близких людей – отца и матери... А теперь вот эта семья, приютившая ее добрым словом, встреча, знакомство, а потом и венчание у шамана. И вот эта дорога вместе с молчаливым парнем – мужем в бурятском подаренном седле и на подаренном коне - все странно, интересно и хоть боязно, а все-таки интересно. «Будь что будет, - решает про себя Айгуша и покорно следует за неожиданным спутником, - какой у него характер, что у него на душе, как он поведет себя вдали от родственников, став главой будущей семьи, полюбит ли он меня или будет смотреть, как на служанку?» С такими мыслями подъехала Айгуша к становищу мужа.

Он первым подъехал к юрте, соскочил на землю, взял за повод своего, а потом и Айгушиного коня, привязал их и принял на руки жену, показывая на обширное подворье, сказал: «Вот наш с тобой улус, ты полноправная хозяйка всего этого подворья, смотри, привыкай и хозяйничай». Первое, что он решил показать, это его гордость – конюшня, теплый дом для коня. Рядом сеновал, ларь с овсом. «Красиво ты размахнулся, – похвалила Субудая Айгуша, – молодец». После осмотра конюшни, сходили на речку Мардайку и показал он жене исток речки, чем несказанно удивил ее, как в свое время удивлялся сам чуду природы. После речки Субудай повел ее на действующую строительную площадку, где уже закладывались и стояли два жилых дома. Последний объект, к которому подвел жену Субудай, - это юрта, построенная самим хозяином много лет тому назад. «А это наш с тобой дом, – сказал Субудай, войдя в юрту, - здесь мы пока будем жить, а когда возведем

дом, тогда перейдем в новый, красивый, большой дом». Улыбнулся, обнял и долго не в силах был оторваться от женщины, ставшей ему самым близким и родным человеком... К этому времени он возмужал, обрел себе друзей в русских и бурятских селениях. Его любили за дружелюбный характер и помогали в делах, как могли.

Вскоре на шумной богатой ярмарке купили ягнят редкой породы. Вырос в стройного жеребца незавидный стригунок, и на зависть соседям каурая кобылица Даренка становилась родительницей крепкого красивого табуна рабочих крупнокопытных коней. Мир, согласие и достаток основательно прижились в доме Субудая и старательной доброй жены Айгуши. Росла слава субудаева становища у речки Мардайки.

Веселыми и здоровыми, как три богатыря росли три сына в дружной семье: Тимур, Рампил и Баир.

Семнадцать жарких лет и суровых зим в звонком перестуке топоров да в шутейных перепевках мастеров пролетели - и вот уже стоят, красуются на солнечном косогоре четыре дома под смолистым долговечным драньем, каждый на высоком в три кряжистых венца окладе, с крылечком, украшенным мудреной резьбой по карнизу, со ставнями на окнах.

Возвели под крышу плотники и пятый дом, другого образца, видно, для себя. Не спешили они покидать полюбившийся им березовый край у тихой речки – благо, бурятская семья жила с миром и не имела скаредных претензий ни к этому дому, ни к ее обитателям. Нередко на огонек в долгие зимние вечера являлась и добродушная хозяйка стойбища и потому, знать, в ее кухонном хозяйстве красовалась умелая рука древодела, а уж постоянными гостями мужиков – затейников были сыновья Айгуши и Субудая. Они с горечью замечали неотвратимую суть природного явления через седеющие головы отца и матери, их старческую походку, частые мысли вслух о предках, оставивших детям много не очень понятных и таинственных наказов. Эти теперешние ребята с большим вниманием слушали рассказы о больших и малых городах, о заводах и фабриках, о школах, институтах и монастырях – подлинных хранителях культуры и языка. В зеленых сундучках пришлых людей находились и книги по житиям Святых угодников, церковные календари, книги со сказками и стихами известных всему миру поэтов. Юные буряты не на шутку привязались к мастеровым людям.

Наступил XVIII, будоражил умы людей, звал к учению, странствиям, к борьбе за свои права и свое место под солнцем. Ветры новых идей тревожили сознание юношества и в глухих уголках Великой Империи, вели к неизбежным переменам...

Слушая восхищенные рассказы детей, приглядываясь к их поведению и интересам, понимал отец, что остановить ход времени невозможно и удержать взрослеющих сыновей около себя с его устоявшим укладом он не сможет, как не мог он сам в свое время понять и принять устав отца и братьев. И вот теперь, повинувшись молчаливому согласию, уходили от родного очага дети: сначала недалеко от дома в школе сели за парты, потом осели в городе, каждый по своему выбору и знаниям. Отец с матерью не жалели ни денег на их содержание, ни себя, и благодарные потомки в своих радужных письмах старались утешить родителей своими успехами в учебе. А время между тем заплетало дни в недели, месяцы в годы, стареющим родителям приходилось считаться с обстоятельствами жизни и быта : надо было запастись дрова на зиму, чтобы обогреть дом, надо было летом косить траву по лугам, чтобы накормить зимой немалое число обитателей конного двора и овчарню...

Когда Субудаю исполнилось девяносто лет, он, посоветовавшись с Айгушей, решил расстаться со скотным и конным дворами. Покупатели уже который год одолевали, к тому же и детей надо было как-то поддерживать, хоть они и жили своими семьями уже, но город, как известно, любит деньги, да в конце концов и сами-то родители с батожками не расставались, а со скотом надо работать. Тяжело переживал Субудай расставание с табуном, он никак не мог примирить себя с мыслью, что будет выходить утром из дому и не услышит как « разговаривают» между собой на своем конском языке жеребята, стригунки и рабочие кони возле кормушек, как он войдет в конюшню и не услышит радостного топтания жеребца, предвкушавшего порцию овса, сена или отавы, привезенного с поля. Как

привыкнуть к тому, что умно и со старанием сделанная конюшня окажется пустой, ненужной - все здесь продумано и сработано на совесть. Много лет живет этот дом для коней и ни в чем не дал повода гнили и разрухе. Иные покупатели заговаривали о купле и перевозе этого сооружения вместе с живой силой. Субудай всем давал отрицательный ответ, причем весьма категорический. «Пусть стоит», - говорил он,- придет умный человек, разведет свой табун и будет где пригреть его в зимние холода». С такой же печалью решилась продать наезжим покупателям тонкорунных овец невиданной породы и Айгуша.

Давно покинули свое пристанище мастеровые люди, построенные ими дома стояли не нужные никому. Сыновья Тимур, Рампил и Баир жили далеко от дома, в разных городах при разных профессиях, со своими семьями, изредка навещая родителей, а к торжественным дням присылали красивые открытки с фотокарточками внуков и внучек...

Все бы хорошо, все как у людей, но огорчало Субудая то, что видел он, как, не жалуясь на свое здоровье, тает она, его любимая Айгуша на глазах, будто свечка. Ни приглашенный лекарь, ни врачи в аймаке, куда они ездили, не могли утешить стариков. Что делать? Вот уже который раз задавался таким вопросом Субудай и не находил ответа. Будто услышав эти вопросы, явились неожиданно внуки Иринчея и с ними Шаман. После радостной встречи сели к родовому очагу. Шаман не мог не увидеть угнетенный вид хозяйки дома и на ночь совершил необходимый обряд лечения. Огонь Духов, разведенный во дворе перед юртой, вселял надежду, но уставший шаман поведал ему, присев к угасшему огню: «Слишком запущенная болезнь, говорят духи, не обижайся, друг мой!».

Старость не спеша, тихими коварными шажками подбиралась к дружной мардайсской семейке. Вначале старый уездный доктор, к которому посоветовали им обратиться, внимательно прослушал обоих и сказал: «Тебе, Субудай, не на что жаловаться, живи и радуйся, а вот сердечко у твоей половинки, извини, колотится без желания, рад бы ей помочь, к сожалению, поздно, далеко зашел недуг, раньше надо было к врачам обращаться, дорогой мой». На этом разговор закончился. Ехали и говорили о чем попало, не касаясь того, что привело их в уездный город, и по приезде домой Субудай старательно обходил в разговорах эту тему. Так и старились потихоньку, уважая и любя друг друга. Айгуша не спрашивала мужа, о чем они с доктором говорили, а Субудай всячески обходил эту тему, содрогаясь от предчувствия неотвратимой потери. А время между тем шествовало по земле, радуя молодых и пугая стариков своей неотвратимостью.

Правнук Иринчея привез в Мардай письмо от сына Рампила и его семьи. Из этой okazji родители узнали, что их сын Баир занят, как археолог, интересной и очень серьезной работой на раскопках древней цивилизации, сейчас и семья переехала к нему, А Тимур в составе арктической экспедиции улетел в Антарктиду – вот такие наши дела... Читают родители письмо и не знают, то ли радоваться им, то ли сердиться. Радует то, что вырастили таких детей, необходимых стране, а огорчает тоска родительской души: ведь столько лет не видят сыновей и внуков – какими они стали и кого родили да подняли на ноги? И как ни крепись, а чувствуется по письму, что не скоро удастся увидеть их всех, обрадоваться встрече, а отвернутся Духи - и вовсе расстанемся навеки, не увидевши друг друга.

Стригунок, а вернее жеребчик, на котором приехала в Мардай юная Айгуша, теперь постарел. Часто видела она состарившегося коня у кормушки, наполненной сытной душистой зеленой отавой, безучастного к еде, с опущенной головой. Подойдет Айгуша к нему, погладит спину, шею, спросит, о чем он думает и вместо ответа увидит благодарно направленные к ней умные и печальные глаза. Было у Айгуши любимое место отдыха, где она часто просиживала часами на сделанной Субудаем скамейке – это место под старыми вислыми березами на солнечном косогоре, откуда открывался вид на речку Мардайку, на березовую рощу, уходящую к зеленому морю смешанного сибирского леса. Завидная супружеская пара к холодной дождливой осени - уж и не помнят они, какой по счету - стали тяготиться разведенным с легкой руки скотным двором. «Милый мой! Не ты ли упрекал не раз меня за мою жалобу на усталость?» - спросила у Субудая Айгуша, - неужто постарел? -

«Не обо мне речь, я же вижу, с каким трудом ты до конца дня дотягиваешь». – « Тяжело нам обоим становится, Субудай, - согласилась она и невольно ее правая рука потянулась к груди, где с привычными перебоями еще старательно колотилось сердце, подорванное ещё в молодости.

Часто и подолгу засиживались у родового огнища бурят и чуть-чуть моложе его еще миловидная, с богатой, но уже седой прической бурятка...

Скосив намеченную полоску пырея, Субудай вытер пот с лица снятой рубахой, повесил косу на березовый сук и сказал: «Все! Больше не могу творить чудеса». Долго сидел, привалившись к шершавой коре мокрой спиной, домой шел с великим трудом. Айгуша встретила мужа участливым взглядом и, полив на его дрожащие руки холодной воды, подвела к столу. Ел он не спеша, с нерастраченным аппетитом и похваливал жену за кулинарный талант, а насытившись, встал и вышел из юрты, направился в гору к трем березам, под которыми стояла лавочка -любимое место отдыха и раздумий Айгуши. Айгуша вскоре подошла к своему любимому месту: «О чем печалишься, мой хан ?» - спросила с улыбкой она. - «Обо всем сразу и ни о чем, - улыбкой на улыбку ответил хан... - Сижу вот и вспоминаю те счастливые дни молодости, когда единственной заботой было, как найти райское место для себя и для Даренки, при почти абсолютной свободе и неземной тишине... На шестой день путешествия нашел вот это самое место, а потом и тебя. Мне вот что привиделось у этой зеленой лужайки: жизнь мы прожили не зря, родили и вырастили, а потом вывели в люди трех сыновей, да каких сыновей! Построили четыре дома и пятый в придачу, юрту – это мое личное, и ко всему прочему подворье возвели на зависть людям. Надо бы хоть малый дацан поставить, но я не знаю, как он делается, и сил уже не хватит для этого. Будем надеяться, что духи предков простят нам этот грех, как ты думаешь?» Субудай посмотрел на Айгушу и обомлел – она сидела наклонившись, бледная, как полотно, правая рука судорожно сжимала грудь под соском. «Айгуша, Айгуша, что с тобой?» Обнял Субудай ее, прижал к себе и стал просить Духов не уносить ее в небо: «Мне больно оставаться здесь одному», - молил до тех пор, пока Айгуша не пришла в себя.

Ранним утром, еще до восхода солнца, запряг он гнедого жеребчика, и поехали они с Айгушей в аймачную больницу. Там их приняли, прослушали, наставили уколов, выписали порошков с таблетками и успокоили. «Все будет хорошо !» - сказали, провожая до подводы. Обратная дорога оказалась, как всегда, и короче, и не такая тряская. ..

Время неумолимо гнало стрелки на часах жизни, и как-то незаметно подошла осень. Хмурый ноябрь доживал свои последние дни, низкая облачность сыпала на стылую землю вместо ожидаемых снежных хлопьев мелкую крупку. В один из таких пасмурных дней, не жалуясь на боль, дабы не показать мужу своей тревоги, прилегла на мягкий тюфяк Айгуша и тихо, без стоны, покинула живой мир. Субудай оживил лучинкой свою трубку, подбросил сухих дровишек на очаг и не глядя на спящую жену, вышел из юрты на свет и, постояв под редким сыпучим снегом, сел на свою скамью у родового столба. Мысли старого бурята перескакивали с одного события и года на другое, не задерживаясь на чем-то одном. Неожиданно с шумом налетевший ветер поднял старика со скамейки и загнал в дом. Айгуша так же сидела на тюфяке и молчала, но без признаков жизни на ее лице, родном и неподвижном. Субудай замер в страшном предчувствии, позвал ее и, не получив ответа, понял, что больше не надо ездить к шаманам и врачам. Прижав дрожащими ладонями лицо жены, он заплакал с тяжким вздохом и затрясся всем телом, будто раздетый на холоде. Продолжая вздрагивать со стоном, отошел Субудай от Айгуши уже почти холодной и, сев у семейного очага, закурил свою трубочку. Сидел и курил, молчал и не мог сообразить, что ему теперь делать. Он привык за долгие-долгие годы подчиняться движению мыслей и желаний все умеющей и ничего не забывающей жены, но она ушла к Высшим Духам, а он остался здесь, на земле. Пока он не один: на конном дворе кормятся у кормушек две кобылицы, рабочие и ездовые, но все это отошло на задний план. Сегодня мысли Субудая заняты Айгушей...

Всю прошлую неделю мотался он по адресам знахарей. Однако ни один из них, даже шаман, сотворивший молебен во здравие, не нашли слов утешения, и вот он сидит одинокий старый бурят с погасшей трубкой в руке и следит за тем, как угасает родовой очаг. Его всегда холодная думающая голова горит нестерпимо, передавая свой горемычный пламень воспаленным глазам. Утро не принесло старику облегчения, но подтолкнуло к действию: «Надо, однако, мало – мало шевелиться, – сказал он себе и, наклонившись к жене, спросил: «Айгуша, Айгуша, почему молчишь, где твой язык?». Ничего не сказала она, и, когда он раздел ее, почувствовал, а, может, ему показалось, едва – едва уловимое тепло угасающей жизни. Схватил ведро и побежал на речку. Не хотел он мыть дорогое тело холодной колодезной водой, речная вода и слаще и мягче, решил он и нагрел на горячем огне целое ведро. Потом принес сухого зеленого сена и, уложив Айгушу на него, стал мыть, вспоминая вещи слова, услышанные и заученные в юности от матери, совершающей подобные дела над умершими родственниками. Когда закончил мыть, вытер сухим полотенцем все тело, одел в найденное в шкафу чистое белье, завернул, чтобы не холодно ей было, в меховую шубу и уложил на топчан. Теперь осталось найти место для вечной юрты. Всю долгую осеннюю ночь сидел Субудай около покойной, вспоминал всю свою жизнь и до Айгуши, и с ней. О детях он так подумал: если их души почувствуют смерть матери, дадут знать, и я подожду, а коли весточки не будет, похороню сам.

На другой день, как только солнышко пригрело землю, взял лопату с топором и двинулся к вершине холма, где стояли тесной группкой, как подружки, четыре вислые березы, подошел к ним старик, поклонился в приветствии и сел на скамеечку, сделанную для любимой женщины, которая очень любила это место и часто вечерами приходила сюда полюбоваться на вечернюю гряду Саянских гольцов. Определил чертой границу могилы и стал копать тяжело вздыхая. Земля еще не успела замерзнуть, и к вечеру работа была завершена. Теперь осталось изготовить сухую комнатку для тела любимой. На чердаке дома хранились доски, изготовленные строителями по просьбе хозяина, Субудай вспомнил о них, но он вспомнил и извечный завет рода Хонгодоров – хоронить потомков не в досчатых гробах, а в колодах или в листовенничных дуплянках. Такой сухой «домик» стоял у Субудая на вышке пятого дома, где жили строители, и он решил не нарушать традиции рода, с горем пополам спустил колоду на пол, набросал в нее березовых листьев и, как это делали предки, поместил в нее Айгушу. Теперь, когда работа была сделана, вспомнил дед о трубке и что давно уже не слышит привычного табачного дыма, сел, любуясь на свою работу, и удивился – какая маленькая оказалась его Айгуша, собравшись от него в другой мир.

Сегодня старый Субудай вставал нехотя, тяжело, мучительно, сегодня предстояло предать земле и закопать женщину, с которой он много лет не жил, а летел по жизни, не замечая камней и ухабов, возводимых на его пути ведомыми человеку силами. Беспредельная любовь и вера Субудая ломала все препоны на жизненном пути сияющей супружеской пары. Дупло с телом стояло в юрте у погасшего очага, ожидающего хозяина. Теперь, как казалось ему, ход времени остановился, замер у последней черты. Вдруг он представил, как он будет спускать гроб в могилу один и поплелся в сарай, схватил лопату дрожащими руками и тяжелым непослушным шагом старых больных ног поковылял к выкопанной могиле. До обеда смастерил в земле ступеньки от верхнего уступа до самого доньшка...

И вот теперь, обняв дуплянку с телом жены, спускается Субудай в могилу, ставит непомерный груз на землю и начинает беспримерное старческое восхождение из небытия на белый свет. Одолев его, сел на край ямы и долго набивал трубку табаком, еще дольше высекал огонь своим кресалом, ругая руки, которые плохо слушались его. Притоптав на подножье четырехконечный крест на могиле Айгуши, вздохнул и долго шарил подслеповатыми глазами по голубой полуденной заре, ища подтверждение своим мыслям о высших силах природы, но, так и не увидев ничего, кроме легких облаков, привязал желтую ленточку на поперечину креста, не сказал, а выдохнул почти последними силами из себя: «Оставайся с миром и пусть мягкой будет земля над тобой. Прости, коли что не так я сделал,

но я любил тебя больше жизни».

После полудня повалил снег невесомыми хлопьями, быстро застилая землю белым пушистым покрывалом. С большим трудом добрался Субудай до своей юрты, огонь в родовом очаге давно погас и, разгребая холодную золу, он надеялся найти хоть один горячий уголек и наконец, потеряв надежду, попытался отойти от кирпичной кладки, споткнулся и упал на спину, погрузился в тяжелое забытие...

Разбудил его холод, а сколько времени он пролежал в таком положении, не знал. Грузило часов - «ходиков» лежало на полу, стрелки собрались в темное пятно, еле различимое в его глазах. Темень и тишина с промозглым мертвецким холодом разбудили старика и заставили подняться, встать на колени и выползти из юрты на рассеянный лунный свет. За стенами его жилища по прежнему валил снег, он старику показался теплым, но, взяв его в пригоршню, ощутил тот же холод. Напрягая последние силы, так же ползком вернулся он в стылую юрту, нашел кресало и трут, теперь осталось найти камень. Пошарив в темноте дрожащими руками, под сухим хворостом нашел спасительный кусок природы и принялся добывать огонь. Угасающим сознанием он соображал, что огонь и есть тот спасительный шаман, который вернет его к жизни.

Сколько времени ушло на его добывание, он не знал, и только ощущение жизни в дымке ожившего трута и слабый проблеск огня вернули сознание старика к реальности. Он торопливо и жадно собирал на ощупь мелкие хворостинки и раздувал живительный огонь.

Когда костер ожил, в свете мерцающего пламени он оглядел свое жилище и, не найдя в нем Айгуши, оторопел. Он вспомнил события вчерашнего дня и взвыл, как раненый зверь. Только сейчас дошло до угасающего сознания чувство страшного и неотвратимого одиночества. На трепетный огонек очага он положил найденные у ног оставшиеся три полешка, чтобы ожил дух жилища и привалился у стены. В полусонном бреду он видел перед собой слепого Иринчя на каурой своей кобылице, а за ним юных братьев и такую же молодую свою мать. Кадры видимого менялись, не трогая чувств, не радуя и не огорчая. В этом калейдоскопе видов уснул старый вдовец, согревшись теплом родового очага и теперь калейдоскоп бредовых кадров сменился сновидениями и первый, кто приснился ему, была его любимая Айгуша. В короткой меховой дошке она вошла к нему в юрту и начала прибираться вокруг семейного очага все, что было разбросано им в ее смертный час, потом взяла портфель с детскими тетрадами и вышла, но не в дверь, а через стену. То ли этот ее неожиданный уход или ветерок, ворвавшийся с улицы в растворенную дверь с противоположной стороны, разбудили его. Он встал. Захлопнул дверь, прошел мимо без дров тлеющего очага и снова лег. Теперь отчетливо увидел он во сне свою Даренку: стояла она у входа в юрту, копытила, мотала головой и звала хозяина, но куда?

Сегодня пробуждение его было тяжелым, безрадостным, он не знал куда себя деть, чем заняться, привычный ритм жизни был нарушен. Потерял Субудай счет времени и чувство реальности окружающего его мира, все события ближайших дней сплелись в единый клубок, все смешалось в его голове - и хорошее, и дурное, он будто сошел с ума. В горячей его голове не могли родиться ни страхи, ни желания. Вышел он словно пьяный за дверь, и упал. Не оказалось рядом никого, кто бы его поднял, привел в чувство. Сколько времени пролежал старый немощный старик на холодной земле под снегопадом, кто знает? День, ночь? ...

Неистребимая тяга к жизни все же заставила его пробудиться от горестного сна. Поднимался он долго, разминая коченеющие пальцы рук и ног, и земля оттолкнула его от себя, он встал на окоченевшие ноги, подошел к столбу, обнял его и никак не мог понять, где он, что с ним и жив ли он. Голодные кони звали хозяина и беспокойно, издавая призывный клич, носились по конному двору. А хозяин не мог оторваться от столба: не слушались руки, будто вросли в землю ноги. Чтобы жить дальше, надо было отогреть душу и сердце, которое еще колотилось в тайнике его организма, готовое с минуты на минуту замереть навсегда. Негнушимися ногами одолел он расстояние от порога до очага, но в нем не оказалось признаков жизни он повернулся к двери, чтобы вернуться, а в проеме стояла Айгуша и

пальцами звала его к себе. Шел он долго за ней, пока не упал на заваленную снегом могилу, лежал он и замерзал, он пытался встать на зов старика Иринчея, поворачиваясь с боку на бок, звал сыновей, звал братьев и отца, но тишина поглощала его тихий голос, и уже потусторонняя сила оторвала его от свежего могильного бугорка, занесенного снегом, говоря: «Иди, живи, Субудай, пока бьется сердце!». И он еще живой волочил по свежему снегу свой старческий неровный след по благодатной березовой земле. Никто больше не видел первого жителя Мардая. Четыре построенных им дома через много лет продали внуки Иринчея молдаванам Студеного, а первая круглая юрта-приют молодого Субудая - еще долго напоминала о бурятском происхождении деревни.

СОДЕРЖАНИЕ:

От составителя.....	5
---------------------	---

Да будет свет!

«Улыбнись мне прохожий...».....	6
«Истину оспорить невозможно...».....	6
За околицей долго бродила.....	7
«Запоздалые мысли, как мухи...».....	8
«На два градуса стало теплей...».....	8
«Журчат ручьи, съедая талый снег...».....	9
«Быть моложе бы мне...».....	9
«Опять один я...».....	10
«Знал Рюрик...».....	11
«А жить-то как хочется...».....	12
«Когда настанет Вам за 90...».....	12
«Дороги нет сегодня...».....	13
«Беда и выручка...».....	13
Арифметика.....	14
«Погляжу на небо я...».....	15
«Путешествуйте, люди...».....	15
«Живёт войною Украина...».....	16
«Я не стану критически мыслить...».....	16
Живи и радуйся Россия.....	17
«Я силу Веры Православной...».....	18
Приезжайте в деревню, ребята!.....	19
«Земля и плуг...».....	19
Кадетский марш строевой!.....	20
«Давно ли мы встречали...».....	20
«Жертвенность дворянская была ли?...».....	21
«Глубокий сон Россию одолевший...».....	21
«Я сижу одиноко в деревеньке моей...».....	22
«Были добрые письма по датам...».....	22
«Закатилось солнышко за тучу...».....	22
Запевай, родимая, не трусь!.....	23
«Вьюга сугробы у прясел возводит...».....	24

В голубом поднебесье

«О времена! Эпоха дерзновения...».....	25
«В голубом поднебесье...».....	25
Чудеса воскресают на пасху.....	26
«Хуторок наш...».....	27
«Пятый раз читаю эту книгу...».....	28
«Мардай в такую тишину наряжен...».....	29
«Озябло творческое поле...».....	29
Я вспоминаю детские года.....	30
«Хуторок наш открытый...».....	30
Всё было по божьему плану.....	31
«Откуда есть пошла Россия?...».....	32
«Я запомнил твой образ Арсений...».....	32
«Прощальный луч...».....	33
«В декабрьскую стужу нам хочется лета...».....	34

К Рождеству Христова.....	34
«Мой отец был конюхом от Бога...».....	35
«Я сегодня счастлив на удачу...».....	35
Я жить так хочется, боже!.....	36

Не шумите ели, не рыдай рябина...

Вырубаются леса и свирепеет ветер.....	38
«Февраль авансом к нам стучится...».....	38
«Уходит деревня с бедой в непогоду...».....	39
«Из края в край...».....	39
Моя Сибирь.....	40
«Наша жизнь – это та же дорога...».....	40
Экологическое состояние планеты.....	41
«Скинул лес свой праздничный наряд...».....	42
«Я родился в советской державе...».....	43
«Исцели больного...».....	43
Мардай (мокрый) легенда.....	44

